

В.И. Аннушкин

ОСНОВЫ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Курс лекций

ФЛИНТА • НАУКА

В.И. Аннушкин

ОСНОВЫ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Курс лекций

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2014

УДК 811.161(042.4)
ББК 81.2Рус-923
А68

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина*

Рецензенты:

канд. филол. наук, доц. *Б.И. Фоминых*;
д-р филол. наук, проф. *А.К. Михальская*

Аннушкин В.В.

А68 Основы русской филологии [Электронный ресурс] : курс лекций / В.В. Аннушкин. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2014. — 128 с.

ISBN 978-5-9765-1819-3

В книге содержится обзор классических и современных взглядов на сущность предмета филологии как науки и общественно-речевой практики. Термины *слово—язык—речь* описаны с точки зрения эволюции русского филологического знания, а история филологических наук в России представлена как последовательный обзор словесных наук и словесности. Показана перспектива развития словесности, современных наук о речи и филологического знания в целом. В Приложении даны терминологические очерки слов *филология, словесность, риторика, красноречие*.

Для студентов филологических факультетов, специалистов-лингвистов и всех, кто интересуется историей и современным состоянием наук о слове и речи.

УДК 811.161(042.4)
ББК 81.2Рус-923

ISBN 978-5-9765-1819-3

© Аннушкин В.И., 2014
© Издательство «ФЛИНТА», 2014

Лекция 1

ПРЕДМЕТ ФИЛОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ТЕОРИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

§ 1. *Филология—словесность—языкознание* в классической традиции и современной науке

Термины *филология — словесность — языкознание* осмысляются прежде всего этимологически. Филология — учение о Слове (несомненно, в сакральном смысле, т.е. учение о слове как божественном даре, способности говорить и писать, вступать в общение с себе подобными и творить мир «словом»), языкознание — учение о языке (прежде всего о его устройстве, системе знаков, выражающих определенные смыслы, средстве общения). Очевидна историческая последовательность в появлении наук: филология возникает в древности, языкознание — наука относительно нового времени. Если объяснять развитие науки в связи с «техническим прогрессом в создании текстов» [Рождественский 1996: 19], то филология — наука, появление которой обосновано созданием письма или письменной речи (текстов), необходимостью комментировать их, систематизировать и предложить правила пользования ими; языкознание — наука, развитие которой инициировано возможностями печатной речи, прогрессом в языковых контактах различных народов, необходимостью исследовать множество языков и их устройство. Последнее оказывается возможным именно в конце XVIII — начале XIX столетий, поэтому говорить об «истории русского языкознания» в Древней Руси терминологически не-

точно. Более точно говорить об истории филологии, словесных наук, искусств речи, т.е. об истории тех реально существовавших научно-педагогических предметов, в которых представляла научная картина мира. В современный век информационных технологий и массового характера научной продукции имеется с трудом исчислимое количество речевых наук, которые будут описаны ниже.

Философия слова, или (если можно так выразиться) фило-софия филологии, предполагала понимание человеческого слова как божественного дара, инструмента организации и творения мира, общества, Вселенной — и это отношение к слову вполне сохранено в духовной литературе и этике речи. Фило-софия современного языкознания предполагает прежде всего позитивистский взгляд на устройство языка, отражающего ма-териалистическую природу вещей. Философия слова в его са-кральном понимании в некотором смысле была под запретом в советское время, а сегодня имеет лишь ряд блестящих предвос-хищений в трудах отдельных авторов (как классических, так и современных, как ученых-философов, так и богословов), но не имеет более или менее полного описания.

Термин *словесность* был создан в России в конце XVIII в. и получил интенсивное развитие в первой половине XIX в., когда все филологические науки объединялись этим терми-ном (см. подробный разбор ниже), став, безусловно, анало-гом филологии; но еще до него существовали *словесные науки* (термин введен М.В. Ломоносовым) — аналог филологических наук в «доязыковедческий» период истории русской филолого-языковедческой науки. Поскольку история русского языкоз-нания в ее наиболее авторитетных учебниках слабо касается именно «словесных наук» вследствие накладывания схемы со-временного научного языкознания на классическую русскую схему филологических = «словесных» наук, требуется выяс-нить последовательное развитие как *словесных* = *филологиче-ских* = *языковедческих наук* в России, так и коснуться истории и современного понимания самих терминов *слово* — *речь* — *язык*. Этому и посвящена данная часть курса «Основы русской фило-логии».

О термине *филология* следует сказать отдельно. В современном филологическом образовании сложилась парадоксальная ситуация: на филологических факультетах до недавнего времени не читался курс филологии — ср. с другими факультетами, где невозможно не найти разных курсов по факультетской классификации, например, на историческом факультете — различных курсов истории (общей истории, истории России, истории других стран), на философском — философии (разных времен и авторов); то же самое обнаружится относительно химии, физики, биологии и др. Пожалуй, только в филологическом образовании отсутствовали курсы *введения в филологию*. Их заменяли пропедевтические курсы введения в языкознание и литературоведение. Однако эти курсы никак не могли заместить отличного от них предмета под названием «филология».

Попытки ясного понимания предмета филологии в современной науке предпринимались, правда, как увидим ниже, результаты этих попыток либо преуменьшались, либо замалчивались.

Так, в 1978 г. научной общественности была предложена книга Ю.В. Рождественского «Введение в общую филологию», где был представлен ясный и исторически обоснованный взгляд на предмет филологии. «Филологическое знание, — начинается книгу автор, — состоит в проникновении не только в содержание того или иного текста, но и в его истолкование» [Рождественский 1996: 19]. Ступени в истолковании текста позволяют последовательно выстроить понимание предметов частной и общей филологий: в частной филологии анализируется конкретный текст (его возникновение, авторство, вхождение в данную область культуры), в общей филологии — «общие исторические закономерности понимания и истолкования текстов на фоне развития культуры, прогресса в знаниях и речевом общении, технического прогресса в создании текстов» [Там же].

Предмет филологии в научной теории и педагогической практике недостаточно ясно отличен от предмета языкознания. Несовершенство понимания филологии как конгломерата языкознания (лингвистики) и литературоведения либо как совокупности дисциплин — вне точной определенности научного

предмета — очевидно для многих и требует ясного ответа: каков предмет филологии? Ю.В. Рождественским убедительно показано, что одной из главных задач общей филологии является классификация существующих видов текстов и до 70-х годов XIX в. общая филология стремилась систематизировать все виды текстов, классифицируя их по родам, видам и формам словесности. После того как «предмет филологии был сведен к литературоведению и языкознанию», а «филологи занялись исключительно поэтическими формами речи», из науки ушло «исследование разных риторических форм устной речи, языка и стиля документов, языка и стиля научной литературы и многое другое» [Там же: 20]. К написанному Ю.В. Рождественским добавим, что предмет, о котором идет речь применительно к русской науке до середины XIX в., назывался *словесностью* и именно роды, виды и жанры словесности (теперь уже нового информационного общества) будут исследоваться в общей филологии.

Укажем и на замечание автора о том, что «лингвистика никогда не была общим знанием о языке. Методы лингвистики специально приспособлены к нормированию и описанию лишь одной из сторон языка, именно — звуков речи, слов и предложений. Лингвистика не включает и не может включать в себя учения о языковых текстах — основе общественно-языковой практики» [Рождественский 1996: 20].

Обосновывается и историческая последовательность филологии и языкознания, а не просто вхождение языкознания в филологию как одной из ее составляющих: «...первоначальное и отправное представление о языке дает именно филология. От того, как филология определит состав языковых текстов и правила их формирования, зависит направление и содержание лингвистического исследования» [Там же: 20]. Конечно, Ю.В. Рождественским отмечены и рождение теории текста, пытающейся лингвистическими методами описывать текст, и, главное, существенный прогресс в языке, характеризующийся созданием средств массовой информации. Сегодня происходит то, что прогнозировалось Ю.В. Рождественским: огромная потребность в изучении языка деловой прозы, развитие риториче-

ки и в связи с этим коммуникативных технологий, перенесение интересов в сферу устной речи, особенно в связи с развитием средств массовой информации, формирующих идеологию и стиль жизни в современной России. Решение новых задач, поставленных новыми языковыми отношениями людей (а мы видим сегодня, как эти отношения властно вторгаются и в сферу духа), возможно только на основе «учета всего исторического опыта филологии, который сопрягает культурное наследие языков с развитием материалов и орудий речи» [Там же: 20].

§ 2. Критический обзор научных концепций и взглядов на предмет филологии

Рассмотрим, как определяются филологическое знание и сам предмет филологии в современных популярных и профессиональных словарях, которыми пользуется филологическая общественность и учащиеся. В «Словаре русского языка» **С.И. Ожегова** и **Н.Ю. Шведовой** филология объясняется как «совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве» [Ожегов, Шведова 2005: 852]. Понятно, что самостоятельность предмета филологии в данном определении отсутствует, а филология ограничена «языком и литературой». **Ю.С. Степанов** называет филологией «область гуманитарного знания, имеющую своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа — текст. Ф. характеризуется совокупностью научных дисциплин и их взаимодействием — как общих: языкознание (гл. обр. стилистика), литературоведение, история, семиотика, культурология, так и частных, вспомогательных: палеография, текстология, лингвистическая теория текста, теория дискурса, поэтика, риторика и др.» [Степанов 1997: 592]. Хотя определен главный объект филологии — текст, филология вновь объясняется как «совокупность дисциплин», куда входят странным образом и история, и семиотика, и культурология — научные дисциплины, предметы которых хотя и могут соединяться, но достаточно самостоятельны.

Характерно, что Ю.С. Степанов переходит от М.В. Ломоносова сразу к «определяющему для русской филологии *лексикографическому* подходу» со ссылкой на работы Я. Грота «Филологические разыскания» (1873), цикл исследований М.М. Покровского на материале греч. и лат. языков (1891). Русская школа словесных наук, словесности, ставшая аналогом филологии и рассматривавшая теорию языка, теорию речи и теорию изящного слога в единой системе (согласно И.И. Давыдову) в первой половине XIX в., оказалась обойденной, опущенной, умолченной.

Когда Ю.С. Степанов пишет об основных направлениях в современной филологии, представленными оказываются только частные филологии: а) «традиционное толкование художественных текстов» (на ограничение предмета филологии художественными текстами указал Ю.В. Рождественский на первых страницах «Общей филологии»: «Филологи занялись исключительно поэтическими формами речи» [Рождественский 1996: 19]; б) семиотический подход (от А. Белого до Тартуской школы, представленной работами Ю.М. Лотмана); в) лингвистика текста (С.И. Гиндин, Т.М. Николаева и др.); г) концептуальный анализ терминов духовной культуры (Н.И. Толстой, Ю.С. Степанов, В.Н. Топоров, Н.Д. Арутюнова — группа «Логический анализ языка»); д) герменевтика с историко-философским уклоном (А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев); е) сопоставительная стилистика (И.Р. Гальперин, А.Д. Швейцер); ж) оригинальное направление, основанное на понятии «языковая личность», представленное работами Ю.Н. Караулова [Степанов 1997: 595]. Из перечисленных направлений, пожалуй, лишь Г.О. Винокур, с одной стороны, и школа А.Ф. Лосева — с другой, обсуждают непосредственно термин **филология**.

Характерен вывод Ю.С. Степанова: «Современная филология стремится к “партикуляризму”, основанному на принципе “каждый язык — как никакой другой”; т.о., в отличие от языкознания, нет “универсальной, или общей, Ф.”, но есть единство разных Ф.» [Там же: 595]. Таким образом, в заключение статьи о филологии ученый приходит к выводу о том, что и предмета-то общей филологии, собственно говоря, никакого нет.

По-видимому, с учетом мнения Ю.С. Степанова предлагает свое толкование **Т.В. Матвеева**, в словаре которой филология определена как «общее название дисциплин, изучающих духовную культуру народа на основе текстов» [Матвеева 2003: 379]. Затем, в сущности, автор повторила перечень дисциплин, имеющих у Ю.С. Степанова: «...языкознание, литературоведение, семиотика, культурология, текстология, палеография и др.» [Там же: 379]. С историческим толкованием филологии нельзя не согласиться («Ф. складывается первоначально как изучение и комментирование древних культурных памятников, затем развивает различные направления, до некоторой степени утрачивая свою целостность и превращаясь в совокупность родственных наук»). Итак, предмет филологии размыт между многими дисциплинами, целостность его «утрачена», это — совокупность родственных наук, а сейчас Ф. существует как совокупная форма гуманитарного знания, сосредоточенная на тексте и извлекающая из него массу сведений о «физическом и духовном бытии человека» [Там же: 379].

В наиболее авторитетном и популярном на сегодняшний день словаре «**Культура русской речи**» статья «Филология» отсутствует вовсе, зато есть краткая статья «Словесность» (автор В.Н. Шапошников), в которой автор называет вторым значением термина «словесность» «филологические науки: лингвистика, литературоведение, стилистика и т.д.» [Культура русской речи 2003: 652]. Как видим, здесь также присутствует «совокупность родственных наук», а термины *словесность* и *филология* воспринимаются как синонимы.

Сходство филологии и словесности особенно наглядно подчеркнуто у Т.В. Матвеевой в статье «Словесность»: «Долгое время термин С. как синоним термина *филология* был отодвинут и употреблялся очень редко. В настоящее время понятие С. возрождается как олицетворение необходимости сближения сильно разошедшегося преподавания языка и литературы, возвращение филологического подхода, в соответствии с которым язык рассматривается как материал, из которого создаются речевые произведения, а эти произведения — тексты, в свою оче-

редь, рассматриваются как произведения словесного творчества» [Матвеева 2003: 310].

Одним из наиболее удачных опытов выяснения того, что есть предмет и история филологии, является статья **С.С. Аверинцева** «Филология», напечатанная еще в БСЭ и перепечатанная посмертно в собрании сочинений, названном «София — Логос. Словарь» [Аверинцев 2006: 452—462]. Филология определяется как «содружество гуманитарных дисциплин, изучающих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» [Аверинцев 2006: 452].

Обратим внимание в данном определении на следующие положения, которые весьма точно показывают позицию автора, справедливо считающегося одним из выдающихся филологов-классиков:

1) вновь не дается определение филологии как науке, но она рассмотрена как совокупность дисциплин; 2) филология соотнесена только с письменными текстами — на наш взгляд, филология имеет отношение ко всем видам словесных произведений, поэтому духовную историю человечества, выраженную в слове, следует начать рассматривать с устной речи, продолжать письменной и печатной, а завершать (она еще не завершена!) текстами СМИ, сколь бы «плоскими» они нам ни казались; 3) филология имеет отношение не только к духовной, но и к материальной культуре, поскольку как словесное творчество она связана с технологией создания речи, которая также есть культурное совершенствование — ср. новые электронные средства речевой коммуникации, которые также имеют право на то, чтобы быть рассмотренными как объект филологии.

В статье С.С. Аверинцева содержатся замечательные наблюдения над «строгостью» филологического метода, которая состоит «не в искусственной точности математизированного мыслительного аппарата, но в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания». Филология и определяется как «служба понимания» [Аверинцев 2006: 456]. Несмотря на справедливость и этическую зао-

стренность этого тезиса, здесь вновь дается скорее метафорическое, нежели точное научное определение предмета филологии.

Исторический очерк развития филологии полон фактов и наблюдений, которые показывают эволюционный процесс становления филологии от Античности до середины XIX столетия. Он начат с тезиса о том, что «филология сопровождала культурного человека не везде и не всегда». Само рождение филологии «запаздывает сравнительно с рождением письменной цивилизации», а ее возникновение есть «показатель не только уровня культуры, но и также ее типа и склада» [Аверинцев 2006: 452—462]. При точности данного наблюдения над различными культурами и цивилизациями, важно заметить, что сама фактура речи способствует возникновению определенных видов текста, в частности текстов науки и самой филологии, которая названа С.С. Аверинцевым «службой при тексте».

Очевидно, что попытки ответить на вопрос «что есть филология?» были бы более успешны, если бы авторы учли опыт не только недавних предшественников, но и классиков русской филологии и словесности, тем более что такие попытки существовали. Среди классиков несомненно должен быть назван профессор Ришельевского лицея К.П. Зеленецкий, написавший в конце жизни после четырех учебников риторики и словесности, опубликованных в Одессе в 1849 году и ставших основными учебниками Российской империи в 50-е годы XIX в., книгу «Введение в общую филологию» [Зеленецкий 1853]. В этой книге представлена история античной филологии и сделано описание филологии в Средние века, в частности описано известное сочинение Боэция «О браке Филологии и Меркурия» [Зеленецкий 1853]. Этот замечательный труд, предшественник одноименному труду Ю.В. Рождественского, в некотором смысле уникален, поскольку не имеет аналогов ни по широте исследования историко-филологических наук, ни по количеству упомянутых литературных источников филологического знания. Кроме того, очевидна попытка автора на фоне существовавшей критики риторики как словесной науки создать «науку о Слове», знамя которой, по мысли К.П. Зеленецкого, в трудах о «словесности» водрузил его учитель, профессор Мо-

сковского университета И.И. Давыдов [Зеленецкий 1846: 18; Давыдов 1837].

Книга Ю.В. Рождественского во втором издании названа «Общая филология». Заслугой Ю.В. Рождественского является ясное отделение предмета филологии от предмета языкознания и литературоведения. Предмет филологии — «словесность, или языковые тексты. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих *культурное* значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [Рождественский 1990: 112].

Классификация произведений словесности по родам, видам и жанрам в их историческом развитии и современном состоянии выполнена Ю.В. Рождественским в «Общей филологии» [Рождественский 1996], а позднее развита и расширена в «Теории риторики» [Рождественский 2004]. Очевидно, что исторически языкознание как научный предмет следует за филологией. Эта историческая последовательность отражена в таком суждении Ю.В. Рождественского: «После разбора и классификации произведений словесности их необходимо прочитать и оценить. Для правильного прочтения текстов **филология выделяет языкознание** и науки о речи» [Рождественский 1990: 113].

У языкознания имеется свой предмет — система языка и объяснение фактов языка на разных его уровнях (фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом). Хотя языкознание включает различение понятий язык и речь, оно не обращается к анализу речевой реальности. Отсюда стремление многих лингвистов создавать новые области изучения практического приложения языка. Рождаются юридическая лингвистика, лингвистика общения и проч.

Классический учебник А.А. Реформатского начинается словами: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения» [Реформатский 1996: 15]. Парадокс состоит в том, что «Введение в языкознание» А.А. Реформатского более обращено к анализу системы языка и его устройству, нежели к применению его как средства общения. Тем более следует сказать о том, что

вопросы общественно-языковой практики, жизни языка в процессе создания, передачи, сохранения текстов никак не рассматриваются в языкознании. Поскольку лингвистика XX в. мало затрагивала проблемы общения, рождаются такие терминологические новообразования как «лингвистика общения» или «грамматика общения». Объясняя строение языка, языкознание, в сущности, не занимается и не занималось применением языка. Применяется же язык, конечно, в речи как реализации языка, текст же является конечным продуктом речевой деятельности.

Поскольку недостатки соотнесения языкознания с языковой реальностью становились все очевиднее, требовалось создание новых наук, каковыми и становились, например, прагматика (согласно определению В.Г. Гака, «раздел языкознания, изучающий функционирование языковых образований в речи» [Русский язык 1997: 360]) или лингвистика текста, т.е. анализ существования и функционирования текста. Данные новообразования были бы гораздо более эффективны, если бы рождались с опорой на знание традиции русской филологии, в частности существовавших учений о речи.

В «Письмах о добром и прекрасном» **Д.С. Лихачева** имеется статья «Об искусстве слова и филологии», перепечатанная затем в сборнике «О филологии» [Лихачев 1989: 204—207]. Д.С. Лихачев пишет о том, что в настоящее время количество наук возрастает не только за счет появления новых или их дифференциации, но и за счет возникновения связующих дисциплин. «Роль филологии именно связующая, а потому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения — наиболее сложной области литературоведения» [Там же: 204]. Точное определение выдающимся академиком связующей роли филологии тем не менее не предполагало точного определения самой науки. Возможно, в таком осторожном отношении есть рациональное зерно, ибо всякое определение ограничено — не в этом ли секрет дальнейшего пространного и вдохновенного

рассуждения Д.С. Лихачева, где природа филологии открывается во всей ее широте?

Будучи «высшей формой гуманитарного знания, соединительной для всех гуманитарных наук» (вновь идея связи), филология необходима, например, историкам для правильного толкования текста. Но и «лингвистическое понимание текста» недостаточно: «...понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи» [Лихачев 1989: 206]. Филология определяется как «связь всех связей. Она нужна текстологам, источниковедам, историкам литературы и историкам науки, она нужна историкам искусства, ибо в основе каждого из искусств, в самых его “глубинных глубинах” лежат слово и связь слов. Она нужна всем, кто пользуется языком, словом; слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит не только в основе науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура» [Там же: 206].

Конечно, в этом рассуждении. Д.С. Лихачева прослеживается классическая философско-религиозная мысль о «начальности Слова», пронизывающего все элементы бытия. Но это скорее, то божественное Слово, которое во всем «видимом и невидимом», которое знаково выражает божественную природу всего сущего. В каких «глубинных глубинах» может быть выражена сущность таких несловесных искусств, как живопись, танец или музыка? Природа всякого явления может быть объяснена через язык, или (не есть ли это стилистически более возвышенное выражение) «словом». Всякое искусство знаково и лишь потому «словесно», что мы языком можем описать то, что выражено звуками музыки, кистью художника, движением танцора.

Несомненна связь филологии с культурой — этой мыслью заканчивается научно-популярная статья Д.С. Лихачева, своеобразный гимн-похвала филологии. «Филология — наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной

личности и нужная для развития национальных культур» [Там же: 207].

В связи с освоением ценностей современного информационно-культурного пространства находится и обращение к «иным культурам». Заключительный аккорд статьи столь же поэтичен и возвышен, сколь и неопределен: «Филология оправдывает свое название (“филология” — любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам» [Лихачев 1989: 204]. Возникает вопрос: что такое словесная культура?

При всей глубине и стилистическом изяществе письма Д.С. Лихачева о филологии приходится сказать, что точного определения филологии в нем не содержится, что, возможно, и не входило в задачу автора, поскольку он предварил свой анализ рассуждением о том, что «ответ на вопрос, что такое филология, может быть дан только путем кропотливого исторического исследования этого понятия, начиная с эпохи Ренессанса, по крайней мере, когда филология заняла очень существенное место в культуре гуманистов (возникла она значительно раньше)» [Там же: 204].

Впрочем, в истории науки была книга, которую слабо анализируют современные исследователи, пытающиеся уточнить сущность филологии как науки и искусства. Это фундаментальное исследование, выполненное **Г.О. Винокуром** в курсе «Введение в изучение филологических наук», прочитанном им в 1943—1944 и 1945—1946 учебных годах в МГУ им. М.В. Ломоносова и МПГУ им. В.П. Потемкина [Винокур 2000]. Он как раз ставил задачу проследить историю филологии, сопоставить филологию с языкознанием и другими науками, и надо сказать, что его монография насыщена таким «кропотливым историческим исследованием», об отсутствии которого в современных работах позднее писал Д.С. Лихачев. На сегодняшний день это основная книга, где последовательно изложено историческое исследование филологии как явления науки и искусства. Впрочем, один из выводов Г.О. Винокура: «...филология не есть и ни-

когда не была наукой в собственном смысле этого слова, хотя в ее задачи и входит применение научных данных» [Винокур 2000: 72]. При всей широте привлеченного материала это исследование более рассматривает фигуру филолога как «человека читающего», правильно понимающего и объясняющего текст, и менее касается человека как творца словесной культуры, осуществляющего создание, воспроизведение, хранение и передачу последующим поколениям лучших произведений словесности.

В связи со сказанным вызревают постановка и решение двух насущных задач:

1. Необходимо изучение истории русской филологии, или филологических словесных наук в России, которое в настоящее время подменено историей русского языкознания с наложением схемы и содержания современного языкознания на реальную историю и содержание тех наук, которые изучались в университетах, гимназиях, лицеях XVIII—XIX столетий. Изучение истории русской филологии должно вестись как исследование состава «словесных наук», заявленных впервые М.В. Ломоносовым и затем развитых в курсах выдающихся русских ученых-филологов А.А. Барсова, А.Н. Никольского, Н.И. Греча, И.С. Рижского, А.Ф. Мерзлякова, Я.В. Толмачева, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, К.П. Зеленецкого, Ф.И. Буслаева и др.

2. Притом что филология может рассматриваться как совокупность «филологических дисциплин», филология имеет собственный предмет, который должен быть ясно отличен от лингвистики, литературоведения и др. Состав терминов филологии существенно отличается от состава терминов «лингвистического словаря», каким мы видим последний в современных изданиях словарей языковедческих терминов (ср. энциклопедический словарь «Русский язык» под ред. Ю.Н. Караулова или «Лингвистический энциклопедический словарь» под ред. В.Н. Ярцевой). В данных словарях, кстати, отсутствуют такие филологические термины, как словесность, фактура речи, орудие, материал речи, правила речи, терминология большинства видов и жанров словесности, составляющих «жизнь языка» — реальные языковые тексты (например,

ораторская речь, документ, эпистолярная письменность и мн. др.). Данная филологическая терминология говорит о языковой / речевой реальности современного постинформационного общества, и если она не описывается грамотно и эффективно, то не в этом ли наша языковая, а затем и общественная отсталость?

Современная филология обращена к насущным проблемам сегодняшней общественно-речевой практики. Целью филологии является описание всех видов современной словесности с выявлением целей, задач, содержания, форм общения, выражения этих форм в различных жанрах речи, стилистического своеобразия текстов.

§ 3. Определения филологии и объекты филологического творчества

Филологическое творчество соединено с анализом текста, принципами его порождения, восприятия, бытования в культуре. Неслучайно культура рассматривается Ю.В. Рождественским как «форма коммуникации, принятая в данном обществе или общественной группе» [Рождественский 1999: 3]. Форма коммуникации, характерная для данного состояния общества и отражающая определенный этап развития технического прогресса в создании текстов, диктует развитие всех остальных форм культуры. Методология, предложенная Ю.В. Рождественским, позволяет рассматривать культурную историю человечества как отражение форм словесности, а именно определенных фактур речи, способов создания, передачи, хранения и воспроизведения текста. Эти культурнозначимые тексты отражают все «совокупности достижений людей» (второе определение культуры), проявленные в развитии общественной морали, экономическом прогрессе, разных видах семиотической деятельности (например, в развитии видов искусства), т.е. являются отражением форм коммуникаций, в которых существует общество. Материя и дух при этом таинственным образом переплетены: на духе «почиет мате-

рия» (технология речи), но реальное воплощение материи в конкретном тексте диктуется духом и идеологией, стилем общества в целом, философско-идеологическими устремлениями конкретных создателей текстов. Филология, таким образом, становится основанием общественных и экономических движений, вполне отражая основополагающий тезис европейской духовной культуры о Слове как инструменте творения мира и окружающей нас действительности.

Обратим внимание на то, как филологические принципы анализа текста соединяются с принципами культуры: текст может войти или не войти в данную область культуры — филолог не только отслеживает этот процесс, но и активно влияет на него собственными оценками. В общей филологии систематизируются все виды текстов — и эта систематизация может иметь вполне определенные приоритеты. Так, в русской филологии с 50—70-х годов XIX столетия произошло смещение интересов от систематизации **всех** имеющихся видов текстов (называвшихся родами и видами словесности) к преимущественной классификации форм изящной художественной литературы.

На ограниченность данного подхода, его исторические причины и опасность для будущего практического существования общества неоднократно указывал Ю.В. Рождественский, призывая заниматься всеми видами прозаической словесности (особенно деловым общением, риторикой СМИ), честно анализируя истоки советской социалистической риторики. Результатом пренебрежительного отношения к прозаическим формам речи должен был стать проигрыш в психологической войне, что имплицитно предрекалось в суждениях многих филологов-аналитиков 80-х годов и что в конце концов и произошло. Следствием нынешнего унылого состояния умов и общественного сознания в целом (что проявлено в деятельности наиболее авторитетных органов речи — СМИ) является также прежнее риторически пассивное состояние духа и настроения, не способное к энергичному творческому изобретению идей и честному, риторически эффективному воплощению их в словесной

реальности. Впрочем, можно не сомневаться в возможностях применения эффективных приемов филологического анализа для современной общественно-речевой практики с применением критериев культуры как национальной традиции и творческого развития лучших образцов применения достижений классических и современных наук о речи.

Подводя итоги рассмотрению взглядов ведущих русских ученых на предмет филологии, следует отметить, что филология как наука имеет вполне определенный предмет, но определение его сталкивается с большими трудностями вследствие едва поддающейся обзору истории филологии и разнообразия взглядов на нее. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что предмет филологии существует и задача исследователей состоит в том обобщении этих взглядов и выдвижении новых идей в связи с развитием новой информационно-речевой цивилизации.

Большинство ученых полагают, что исходным объектом исследования для филолога является **текст**. Сам **текст** есть не что иное, как старинное и классическое **слово**, если понимать последнее не как единицу языка, а как «реализованный» текст, инструмент общения, орудие мысли и взаимодействия, совокупность осмысленных знаков, передаваемых от одного лица к другому. Сегодня многие классические термины принимают новый облик, что обыкновенно случается, когда человечество начинает жить в новых видах речевого взаимодействия. Именно в этом видится нам причина создания нового термина **дискурс**, которому приписываются новые свойства и смыслы по сравнению с «устаревшим» **текстом**, однако очевидно, что это есть развитие прежних смыслов культуры в новой информационно-речевой ситуации.

Полагаем, что в определениях филологии как науки следует учесть следующие компоненты:

1. Филология — учение о правилах и закономерностях создания, передачи, хранения, воспроизведения и функционирования словесных произведений. Современная филология должна быть адресована ко всем существующим родам и

видам словесности развитого информационного общества — от семейно-бытовой речи до речи на электронных носителях (массовая информация, информатика, Интернет, мобильная связь и т.д.).

2. Филология — наука о культурном прогрессе человечества, выраженном в способах, принципах и правилах создания текстов (речи, словесных произведений). Филологическое знание показывает, как технологическое развитие фактуры речи влияет на смысл речи, позволяя развиваться всем формам общественной культуры, различным видам семиозиса. Сложность современной общественно-речевой ситуации состоит в том, что человечество впервые столкнулось с такими сложными формами словесности, как массовая информация, чье появление рождает совершенно новый облик человека, кардинально меняет стиль жизни, формируемый стилем речи. Оптимальное развитие человеческого общества возможно только в том случае, если оно будет опираться на культуру как совокупность нравственных и интеллектуальных достижений человечества.

3. Филология — наука о классификации всех словесных произведений данной национально-речевой культуры. Предмет филологии — тексты всех существующих родов и видов словесности. Было бы недостаточно представлять ее задачи только в сфере изучения стиля преимущественно художественного текста.

Предмет филологии, согласно Ю.В. Рождественскому, — «словесность, или языковые тексты. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих *культурное* значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [Рождественский 1990: 113].

4. Отношения филологии и языкознания не являются отношениями целого и части. «Для правильного прочтения текстов **филология выделяет языкознание** и науки о речи» [Там же: 113]. Если предмет филологии — текст, то предмет языкознания — система языка и объяснение фактов языка на разных его

уровнях (фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом). Филология не «шире» языкознания, а имеет свой собственный предмет изучения, состоящий в обращении к сфере функционирования словесных произведений (текстов) в культуре, к правилам их создания, передачи, воспроизведения и хранения в культуре.

5. Поскольку «в произведениях слова выражается весь состав культуры общества, **теоретическая задача филологии — построение научной картины культуры, взятой сквозь призму слова**» (выделено нами. — В.А.). Если речь является «инструментом общественной организации», то филологическое знание становится «основой компетентного управления обществом» [Волков 2006: 7].

Исторически оптимистичный характер современной общественно-языковой ситуации состоит в возможностях приложения языка в речевой действительности. Основой такого приложения может быть только критерий культуры как творческого сохранения национальной культурной традиции, опоры на прецеденты деятельности, понятия правильности и нормы, возможности риторически эффективного изобретения и воплощения мысли в языковых (словесных) текстах.

Именно в контексте филологии следует говорить о русском языке, который, по всеобщему согласию, должен объединять общество и вдохновлять на служение истине, добру, подлинной красоте и на совершенствование жизни — все это может быть выражено в реальных текстах, или, как говорили традиционно, в слове. Русский язык объединяет нас не через языковую систему, а через **осмысленные языковые тексты**. Иначе говоря, нас объединяет **филология как учение о культуре, проявленной в текстах**. Культура же несет в себе нравственное начало, идеи добра, истины, красоты. Знаком культуры является та **форма коммуникации**, в которой проявлена культура. Сложность современной ситуации состоит в том, что мы живем в новом информационном обществе с принципиально новыми формами и видами коммуникации, которых человечество не знало ранее. Наша задача — освоить эти новые формы речи с опорой на творческое применение филологического знания.

Вопросы для обсуждения

1. Что такое филология? Что такое общая (частная) филология?
2. В чем различие предметов наук: филологии — языкознания — литературоведения? В какой исторической последовательности возникли эти дисциплины?
3. Что пишут о филологии современные ученые:
 - Ю.С. Степанов — о предмете филологии? О дисциплинах, составляющих филологию как науку?
 - Д.С. Лихачев — о филологии, слове и культуре?
 - С.С. Аверинцев — об истории и предмете филологии?
 - Ю.В. Рождественский — об общей и частной филологии? О связи филологии и культуры? О систематизации родов, видов и жанров словесности?
 - Г.О. Винокур — о задачах филологии?

Лекция 2

СЛОВО-ЛОГОС И ЯЗЫК—РЕЧЬ В РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

§ 1. Логосическая теория происхождения мира и слова-языка

Приступая к изучению филологии — науки о Слове, о его проявлении в культуре, необходимо обратиться к истории термина *слово* в русской историко-научной и философской традиции, сопоставляя этот термин с соседствующими синонимическими понятиями *язык* и *речь*, а также адресуясь к иноязычным культурам, где имеются схожие понятия.

Русский термин *слово* имеет фундаментальное начало в духовной традиции европейской культуры как Слово-Логос, т.е. божественная благодатная сила, с помощью которой Господь творит мир. Эта идея лежит в основе европейской философской и филологической книжности как феномена духовной культуры европейских народов. Само слово *Слово* является синонимом слову Бог в соответствии с началом Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог». Господь своим Божественным Словом творит мир (см. Книгу Бытия) — и эта функция божественного Логоса, как показывает история духовных текстов, свойственна большинству представлений о сотворении мира и о происхождении языка в других духовных цивилизациях.

Идея сотворения мира соответствует логосической, т.е. словесной теории происхождения языка, как пишет об этом

Ю.В. Рождественский. Логосическая теория происхождения мира и языка возникла на ранних этапах развития цивилизации и существует в нескольких традициях: библейской, ведической, конфуцианской. Различие состоит в том, что европейская традиция освящает эту идею авторитетом теологии и идея сотворения мира Словом становится краеугольным камнем европейского богословия, в то время как в китайской традиции «логосическая теория, являясь влиятельной, не имеет богословского характера в силу отказа китайской философии от теистической идеи» [Рождественский 1990: 6].

Обратим внимание профессионалов-филологов на то, что данные теории зарождения мира и языка могут возникнуть только с рождением письменности и появлением письменной культуры, в рамках и посредством которой оформляются данные философские идеи. В основе зарождения мира, согласно доктринам основных письменных культур человечества, лежит духовное начало, которое древние обозначают разными терминами: Бог, Логос, Дао, Слово и т.д. Слово существовало до создания человека и непосредственно управляло инертной материей. Творение мира, согласно европейской библейской традиции, «совершалось не руками Бога, а Его Словом» [Рождественский 1990: 6]. Эти энергия и орудие, воплощенные в Слове, в основном так же, хотя и в других терминах, толкуются в конфуцианстве и индуизме. Таким образом, *слово* становится единой мерой создания и закономерного строения мира.

Следующее деяние, которое приписывается духовным началам во всех цивилизациях, — сотворение человека и наделение его словом. Согласно акту божественного творения человек создается по образу и подобию Божию. Это значит, что Бог «передает человеку дар слова» и человек получает способность нарекать именами животных, приводимых к нему Богом. Человек является единственным творением Божиим, которое наделено *словом*. Как пишет об этом Ю.В. Рождественский, «божественное слово, сотворившее человека, становится достоянием человека: человек начинает сам создавать слова» [Рождественский 1990: 7].

Сходную картину мы обнаруживаем в конфуцианской традиции Древнего Китая. В книге о сотворении мира «Цзян Цзи Вэнь» («Тысяча иероглифов») последовательно говорится о том, что вначале появились небо и земля, вода и суша, верх и низ, стороны света, деревья и растения, а затем появился человек, которому дается дар слова. При отсутствии монотеистического (т.е. божественного) начала в китайской традиции существует принципиально та же последовательность сотворения мира из небытия неким духовным началом, которое в европейской традиции названо Богом, а в китайской традиции объясняется как *дао* — правильный путь.

В китайской литературе функция Слова-Логоса будет дана в двух понятиях *дао* и *вэнь*: *дао* означает правильный путь, а *вэнь* — литература, или Слово, пронизывающее и проявленное во всех явлениях бытия. Сопоставляя европейское понятие *литература* и китайское понятие *вэнь*, выдающийся русский китаист В.М. Алексеев пишет о «книге-вэнь как выразительнице древней правды-Дао» и приводит отрывок из трактата Лю Се (V—VI вв.) «Вэнь синь дяо лун» из главы «Собственно о Дао»:

«Велико обаяние и сила вэни! Она ведь родилась вместе с небом-землей! В самом деле, и солнце, и луна, и горы, и реки — все эти линии и формы природы суть (проявление) Великого Дао! Когда родились два начала, мужское и женское, небо и земля, то человек, благодаря свойствам своей духовной природы, стал с ними в троицу. Ведь его душа есть пресуществование души неба-земли! Родилась эта душа — и появилось слово. Появилось слово — и воссияла вэнь как проявление самобытно-произвольного Дао. Во всем, во всем есть вэнь! И в узоре туч, превосходящем всякое искусство, и в красе природы, не нуждающейся в художнике... Прислушайся к мелодии леса, звучащего как лютня, к ритму струящегося по камням ручья, который поет как нежная яшма или колокольчик, и увидишь ты, что каждая форма мира рождает себе особое выражение и, значит, каждый звук родит себе вэнь. Итак, раз бездушная природа сияет внешней красотой, неужели же ее одухотворенный сосуд (т.е. человек) останется без вэни? Нет, вэнь человека проявилась еще в тайниках его бытия. Фу Си (древнейший государь)

дал ей первые черты, а Чжун-ни (Конфуций) окончательно открыли ее формы. И тогда небо и земля нашли свое выражение в слове, которому сообщилась вэнь, и эта вэнь слова есть душа неба и земли. ...Дао через посредство совершенно мудрого человека (Конфуция) показывает нам свою вэнь, а совершенно мудрый человек вэнью слова являет людям Дао!» Читаю в древней книге «Перемен»: «Волнующее мира движение заключено в письменном слове» и понимаю, что причиной этого является вэнь как выражение Дао» [Алексеев 1978: 51–52].

Подводя итоги этим культуротворческим идеям сотворения мира и человека посредством слова, сделаем вывод о том, что именно *слово* господствует во всей общественной жизни древности и Средневековья. Как отмечает Ю.В. Рождественский со ссылкой на Д. Фразера, «не какая-либо вещь, общественно необходимая, не строй семьи или рода, не государственность или какой-либо иной созданный обществом институт, а именно *слово, речь* воспринимаются как основа господства социальных сил над человеком, его разумом и общественным сознанием» [Рождественский 1990: 9].

Очевидно, что в соответствии с движением культуры именно эти идеи не умирали, а развивались в последующей традиции. *Слово* стало основным термином русской филологической и философской культуры в Древней Руси, а затем проявилось в классических учебниках словесности и риторики на русской почве. Духовная традиция толкования слова (Слова как Логоса) сохраняется, конечно, и поныне, однако вследствие разделения теологического и гуманитарно-светского знания слово только в нынешней современной науке начинает приобретать единство богословской и научно-гуманитарной мысли. Приведем пример такого духовного осмысления *слова* в духовной литературе.

«Что есть слово?» — спрашивает в начале главы «Слово Божие — культура духа» румынский иеромонах Рафаил (Нойка) и отвечает: «Мы привыкли понимать его как способ установления контакта с другими с целью осуществления обмена информацией. Но мы видим, что Писание говорит о слове другое: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”

(Ин. 1, 1). “И сказал Бог: да будет свет. И стал свет” (Быт. 1.3.). И все, что назвал Бог словом, — стало. И я снова обращаюсь к словам Спасителя, сказавшего: “Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь” (Ин. 6, 63)» [Нойка 2006: 11].

По словам Нойки, дух и жизнь зависят от Слова Божия. Слово Божие как основа европейской культуры выражено в главном тексте европейской цивилизации — Священном Писании. Слово «слово» иеромонах Рафаил Нойка предлагает связать с понятием «культура, Культура Духа» (с прописной буквы у Нойки. — В.А.). Творя мир, Бог творит его одним единственным словом: «Да будет!», но человека он творит по иному: «...сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему...» (Быт. 1, 26). И человек отличается от других творений Божиих «по *слову*, которое Бог нам дал». Бог «*словом* наставлял Адама».

В Ветхом Завете посредством слова Бог обратился к человеку и дал ему закон через пророка Моисея, но более значимо Слово Божие, которое было воплощено в Сыне Божиим. Как сказано в Послании к евреям Св. Павла, «Бог ... говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего...» (Евр. 1, 1—2). Таким образом, «Сам Сын Его — Слово Божие: Слово Божие ныне возвращается, чтобы продолжить Свое дело посредством “диалога” с человеком, снова после отчуждения, произошедшего в раю. Мы можем понимать слово как энергию — энергию созидательную» [Нойка 2006: 12].

Современные лингвисты часто рассуждают об энергии, заключенной в речевой деятельности. Будем иметь в виду, что эта идея восходит к теологической трактовке божественной энергии, которой Господь напитывает человека: «Слово Божие пребывает и обитает в человеке. Бог энергией слова старается быть в контакте с человеком. Человек через слово молитвы старается отвечать Богу... Мы понимаем слово в его самом глубоком смысле как энергию» [Нойка 2006: 13].

Характерно, что данные логосические концепции могли появиться только после того, как человечество вступило в письменный период своего существования. Письменная культура принципиальным образом меняет и оценку анализируемых

нами терминов *слово—язык—речь* по сравнению с предшествующим этапом дописьменного развития человечества.

§ 2. *Язык—речь—слово* в фольклоре

Чтобы представить историческую эволюцию термина *слово*, необходимо обратиться к предшествующему письменности «устному» периоду жизни человечества. Фольклорная традиция, фиксирующая существование человека вне письменной культуры, предлагает, как выяснилось, принципиально иную оценку термина *слово*, особенно если сопоставить его с терминами *язык* и *речь*. Доказательством тому может быть квантитативный анализ использования слов *язык—речь—слово* в разделе «Язык—речь» «Пословиц русского народа» В.И. Даля, позволивший получить следующие данные: термин *язык* употребляется в 83 пословичных текстах, термин *речь* — только в 13, термин *слово* — в 55. Из других синонимов выявляется лишь слово *глаголение*, употребленное однажды и, очевидно, попавшее в пословицы из книжных текстов. Последнее замечание важно, поскольку анализ соответствующих терминов в книжных текстах позволяет наблюдать принципиально другую картину: так, в «Книге притчей Соломоновых», построенных также по пословичному принципу, одним из наиболее частотных терминов слов является слово *уста*, отсутствующее в фольклорных текстах [Аннушкин 2007б: 208—212].

Термин *язык* является основным в метафорике фольклорных текстов. Исходное значение слова *язык* как телесного органа, в сущности, не используется, лишь дается намек на первоначальные свойства языка, для того чтобы построить на этом свойстве смысловыразительную метафору. Например: «Язык мал, великим человеком ворочает», «Держи язык за зубами», «Верти языком, что корова хвостом» [Даль 1982: 256 — далее указываем страницы по этому изданию]. Главным в пословицах становится значение языка как орудия общения, инструмента, организующего всю человеческую жизнь. Язык в народном сознании приобретает своеобразную философскую оценку и

подчас настолько глубокомысленную, что приходится задумываться и гадать над толкованием приведенных пословиц. Вот первая из пословиц раздела:

Язык телу якорь. Язык с Богом беседует.

Что значит метафора *язык = якорь*? Если якорь позволяет останавливать и удерживать корабль на одном месте, то, по видимому, язык обладает теми же свойствами и человеку также рекомендуется держать язык «на привязи». Эти значения сдерживания или обуздания языка неоднократно встречаются не только в духовной литературе, где чаще всего звучит совет «обуздывать» язык (см. например, в Послании Иакова: [1, 26]), но и в поэзии (ср. у А.С. Пушкина в «Борисе Годунове»: «...блажен, кто словом твердо правит и держит мысль на привязи свою»).

Поскольку назначение фольклорных текстов — не просто развлечение, а научение определенным правилам житейского поведения, пословицы как нельзя лучше выполняют и частную функцию регламентации правил речевого поведения или практического пользования (владения) языком. Правила поведения вообще имеют первоначальное описание именно в фольклоре, и каждый человек с детства в игровой форме осваивает эти чрезвычайно серьезные и полезные для будущей жизни советы и рекомендации. Из этих правил немалая часть (по некоторым данным, треть) касается именно речевого поведения.

Уточним же по данным пословиц семантику слова-термина *язык*. Уже первый ряд пословиц фиксирует главное переносное значение термина *язык*: орудие общения и взаимодействия, инструмент управления. Он утверждает силу языка, который руководит как самим человеком и его поступками, так и другими людьми и обстоятельствами. Ср.:

Мал язык великим человеком (вариант: *да и всем телом*) *владеет*.

Мал язык — горами качает. Языком — что рогачом (т.е. язык — инструмент).

Язык — стяг, дружину водит. Язык царствами ворочает (т.е. язык управляет).

Язык языку весть подает (так в народном сознании зафиксирована мысль о том, что язык есть средство общения, выполняющее коммуникативную функцию) [256].

Однако уже в первых пословицах ярко выражена мысль об антиномичности, противоречивости свойств языка, когда в одних случаях язык становится благим помощником, а в других — приносит зло и вред. Ср.:

Язык поит и кормит, и спину порет.

Язык хлебом кормит, и дело портит.

Язык до Киева доведет (и до кия, т.е. до побоев) [256—257].

Отличие термина *язык* от синонимичных терминов *речь* и *слово* можно зафиксировать в следующем: язык понимается как общее понятие, способ выражения мыслей (наряду с указанными выше значениями инструмента общения, способа связи); *речь* понимается как реализация языка в распространенном тексте:

Недолгая речь хороша, а долгая — поволока.

Короткую речь слушать хорошо, под долгую — думать хорошо.

Речист, да на руку нечист.

Каковы свойства, таковы и речи [256—258].

Слово понимается чаще всего как минимальный отрезок текста, минимальная смысловая единица языка / речи, конкретный выразитель мыслестилевого намерения. Например:

От одного слова — да навек ссора.

Лишнее слово — в досаду (в грех, в стыд) вводит.

Ради красного словца не пожалеет (не пощадит) ни мать, ни отца.

Сказал бы словечко, да волк недалечко [256, 258].

Очень важно иметь в виду, что в ряду пословиц слова-термины *язык*, *речь*, *слово* синонимичны, т.е. взаимозаменяемы по смыслу. Это происходит тогда, когда речь идет об употреблении этих слов в значении орудия общения. Ср. возможные замены в пословицах:

Хорошее слово (язык, речь) — половина счастья.

Что на уме, то и на языке (возможна замена: то и в речи, то и на словах).

Каковы свойства, таковы и речи (таковы и слова, таков и язык).

Знать сороку по язычку (по словам, по речам).

Эта синонимика сохранилась до сегодняшнего дня, когда описываются свойства *языка—слова—речи* и при популяризации языка как средства общения и убеждения мы используем следующие идеи: *Хорошая речь — путь к успеху; Слово политика — орудие его победы; Владеешь языком — владеешь миром.*

Развитие литературного и научного языков приводит к обогащению смыслов, но процесс этого обогащения — явление историческое, которое и любопытно отслеживать в его последовательной эволюции.

Работы советского времени в целом повторяют данные «Пословиц русского народа» В.И. Даля, однако наблюдаются и некоторые своеобразные нюансы. Так, анализ интересующих нас терминов *язык—речь—слово* в сборнике А.М. Жигулёва «Русские пословицы и поговорки» [1965] показал, что наиболее обширным оказался раздел *Слово* (56 пословиц). Термин *слово* концентрирует идею емкости и краткости выражения мысли вплоть до единого слова, поэтому, хотя и возможно провести некоторые синонимические замены, но в основном *слово* выражает идею краткого эффективного поступка:

Аркан ценится длиной, а слово — краткостью.

В зубах слово не завязнет.

Доброе слово окрыляет.

Каждому слову свое место.

Есть словко — как мед сладко; есть словко — как мед горько.

Конечно, слово имеет значение рождения мысли и речи — ср.: *Нет мук страшнее мук слова.*

Термин *речь*, как это было выведено и выше, продолжает иметь прежде всего значение распространенного текста, причем на первое место выходит оценка совершенного речевого поступка:

В долгих речах и короткого толка нет (осуждаются речевые длинноты).

Глупые речи что пыль на ветру (осуждается глупость).

Денег ни гроша, да речь хороша (одобряются содержательность и эстетичность речи).

И речисто, да не чисто (при внешней красивости отмечает-ся нечистоплотность говорящего).

Людских речей не переслушаешь (дается совет не увлекаться излишним общением с людьми).

Во всех этих контекстах термин *речь* невозможно заменить термином *язык* и лишь в отдельных случаях можно употребить термин *слово*.

Термин *язык* в сборнике А.М. Жигулёва прежде всего реализует метафоры или переносные смыслы, связанные с языком:

Без языка и колокол нем (намек на человека, который оказывается немым и бездеятельным, если не владеет языком).

Дай волю языку — скажет то, чего и не знает (язык выступает как орудие человека, который им управляет и может либо сознательно сдерживать, либо распускать свой язык).

Лучше ногою запнуться, чем языком (выбран именно язык, поскольку пословица построена на обыгрывании частей тела).

Самое сладкое — язык, самое горькое — язык (изречение, восходящее к известному мифу об Эзопе, который принес своему хозяину и его гостям то, что одновременно и сладко, и горько).

Как видим, почти во всех пословицах обыгрывается в переносном (метафорическом смысле) *язык* как часть тела, с помощью которой человек осуществляет свою важнейшую функцию как существа словесного — функцию говорения, общения, взаимодействия. Тот факт, что термин *язык* в большинстве пословиц не может быть заменен на синонимичные термины *слово* и *речь*, говорит о том, что в фольклоре не только не сформировалось научное представление о языке как системе знаков, но отсутствует и представление о языке как едином «наречии», на котором говорит весь народ. Действительно, в фольклоре не встречаются значения языка как системы знаков, которыми пользуется определенный народ. Нет в фольклорных текстах и значения языка как «народа» — оно появится только в письменных текстах, а именно в текстах Священного Писания как основного культурного текста европейской цивилизации. Именно последнее значение станет, как покажем ниже, одним из переходов к осознанию языка как феномена, создающего нацию.

Если же проводить межкультурное исследование нашего материала, то, с одной стороны, можно сделать вывод об «об-

щем наднациональном характере правил ведения речи», т.е. об универсальности правил для всех народов, а с другой стороны, о сугубо национальном характере способов словесно-образного выражения смыслов. Вот некоторые примеры сопоставления идентичных по смыслу пословиц, построенных на основе специфически национальных образов:

Русские пословицы	Китайские пословицы
Я — про сапоги, а ты — про пироги. Я про Фому, а ты — про Ерему.	Дед говорит про курицу — бабка про утку. Я — про запад, а ты — про восток.
Языком болтай, а рукам воли не давай.	Умный языком, глупый руками.
Поперед батьки в пекло не лезь (укр).	Отвечает, когда его не спрашивают.
Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.	Сказанное слово — срубленное дерево.
Мечет бисер перед свиньями (библейское изречение)	Услаждает лютней слух буйвола.

Таким образом, анализ фольклорных терминов *язык*—*речь*—*слово* позволяет сделать следующие выводы:

1. Термины *язык*—*речь*—*слово* могут употребляться в фольклорных текстах как синонимы при обозначении главной коммуникативной функции языка как орудия общения и взаимодействия людей.

2. Основная задача фольклорных текстов о *языке* — дать правила речевого поведения, предупреждая об опасностях и возможностях языка, речи, слова. Каждая пословица описывает конкретную ситуацию использования языка и имеет дидактические и эстетические функции.

3. Различие трех названных терминов состоит в том, что *язык* метонимически обозначает главное свойство человека как существа словесного, поэтому именно *язык* употребляется в текстах пословиц чаще всего. *Речь* имеет тенденцию к обозначению распространенных текстов, реализующих возможности

языка, а *слово* чаще всего используется, чтобы обозначить минимальную единицу языка, реализованную в отрезке текста.

4. Существуют наднациональные правила ведения и построения речи, которые реализованы в фольклорных текстах (и наиболее систематически в пословицах). При этом каждый национальный фольклор имеет свою образно-словесную систему.

5. В фольклорных текстах еще не встречаются значения термина *язык* как, во-первых, наречия, на котором говорит весь народ, и во-вторых, собственно нации, народа (*язык* = народ). Также отсутствует и значение *слова* как Логоса, т.е. единства Мысли-Слова, сакрального феномена, инструмента творения мира, синонима Создателя мира, жизни и природы. Все эти значения обнаружатся только в письменных текстах, причем эта логосическая функция творения мира словом своеобразно проявится как в русской философии слова, так и в китайской трактовке понятий *Дао* и *Вэнь* (правило и литература).

§ 3. *Язык—речь—слово* в древнерусской словесности

Поиски нашего материала целесообразно вести по двум направлениям: 1) через анализ имеющихся научных обобщений относительно данных слов в словарях древнерусского языка; 2) непосредственно адресуясь к текстам древнерусской словесности (прежде всего к текстам духовной литературы, которая была основой для формирования русской словесности).

Обратимся к классическим статьям «Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, где впервые обобщены многочисленные сведения и толкования слов *язык—речь—слово* [Срезневский 1989]. И.И. Срезневский предлагает большой эмпирический материал, взятый из письменных памятников Древней Руси. Основными значениями концепта *язык* являются следующие:

— язык, член, часть тела: *Прильпи язык мой грѣтани моему. Псалтырь 1280 г., псалом 86, 6;*

— народ, племя: *И будете ненавидимы всеми языки имене Моего ради. Лук. XXIV.47. Остромирово Евангелие;*

— иноплеменники, язычники (во множ. ч.);

— люди, народ;

— переводчик, проводник: *Невозможно бо без вожжа ходжити и без языка добре испытати и видети всех тех святых мест. Дан. Иг.;*

— язык, пленник, туземец, который может сообщить сведения о неприятеле: *Яша половци языкъ и приведоша к Гюргеви. Ипатьевская летопись. 1152 г.*

Эти сведения говорят о существенном развитии значения слова *язык* в письменной культуре, причем именно в Священном Писании термин *язык* получил значение «народ, племя» и также «люди, народ». Характерно, что, видимо, именно из этого значения впоследствии развилось именование каждого национального языка: *русский язык, английский язык, китайский язык* и т.д., но в письменных памятниках мы не обнаружили подобных словосочетаний. Следовательно, обозначение языка того или иного народа по именованию народа, говорящего на этом языке, является более поздним достижением филологической культуры.

Характерно и развитие в письменной культуре таких новообразований, как сложные слова типа *доброязычие* и *языкоболезние*, часто являющиеся калькой с греческого. Эти значения блага и зла, исходящих от пользования языком, конечно, представлены и в фольклорных текстах, однако здесь они и более сложны, и более разнообразны: очевидно, что сама фактура письменной речи позволяла осуществлять такие «неологические» эксперименты. Данные слова показывали ошибки, которые допускает говорящий во время употребления языка в процессе общения:

— *языкоболезние* (вариант: *языкоболезньствие*) — несдержанность языка, речи;

— *языковредие* — нанесение вреда посредством языка (речи).

Данные слова, как показывает комментарий И.И. Срезневского, восходят к греческому слову *glossalgia* [Срезневский 1989: III, 1646].

Исследование подобных слов показало, что они имеют яркую оценочную окраску, т.е. бывают либо положительными, либо отрицательными. Например, к положительным относятся такие слова: *благоязычие, доброязычие, остроязычье*; к отрицательным: *злаязычие, безъязычие* (в значении «немота, неумение говорить»), *косноязычие, поздноязычный* — см. подробнее: [Аннушкин 2003: 35—63].

И все-таки, как показывают источники, термин *язык* значительно уступает в количестве употреблений термину *слово*, который является значительно более популярным и употребительным. Материалы Словаря И.И. Срезневского предлагают 28 значений термина *слово* против 11 значений у термина *язык*. Основные из них следующие:

- слово;
- дар слова;
- выражение, возможность говорить;
- склад речи, способ выражения;
- значение, смысл;
- речь, слова;
- письменная речь, письмо, грамота;
- слово (как литературное произведение);
- поучение;
- беседа;
- спор;
- совет;
- поручение;
- причина, повод;
- попрек;
- показание, свидетельство;
- ответ (*дати слово в день суда*);
- согласие, разрешение и т.д. [Срезневский 1989: III, 415—420].

Подобный приоритет *слова* над *языком* видим в употреблении сложных слов по модели «доброязычие / добрословие»: существуют 46 сложных слов по типу «добрословие / злословие» против всего лишь 6-и по типу «доброязычие / злаязычие». Вот какие слова выделены по данным словарей древнерусского

языка (нами были просмотрены не только Словарь И.И. Срезневского, но и Словарь русского языка XI–XVII вв., Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.):

а) положительные по смыслу — благословие, добрословие, красословие, хитрословие, златословие, истиннословие, едinosловие, велесловие, громословие, краткословие, любословие, малословие, народословие, священнословие, славословие, хвалословие, чудословие;

б) отрицательные по смыслу и оценке — баснословие, блудословие, блядословие, буесловие, вредословие, глубокословие, гнилословие, горькословие, грубословие, двусловие, долгословие, жестокословие, злословие, коснословие, кощунословие, лжесловие, мудрословие, неблагословие, несловие, осквернословие, плетословие, празднословие, прекословие, смехословие, срамословие, суесловие, супротивословие, тщесловие, худословие [Аннушкин 2003: 37–42].

Нет сомнения в том, что все эти слова выстраивали правила пользования словом и служили практической риторике, которая одинаково относилась к правилам и «языка», и «слова», и «речи». Чтобы обеспечить корректность нашего исследования, необходимо также проанализировать термин *речь*, который имеет множество аналогичных и своеобразных значений по сравнению с предыдущими. В упоминаемом Словаре И.И. Срезневского термин *речь* имеет 16 значений, т.е. занимает срединное положение по сравнению с терминами *слово* и *язык*. Те значения, которые повторяются в сравнении с термином *слово*, выделяем полужирным шрифтом:

- **звук, речь;**
- **слово;**
- **речь, слова** (во мн. ч.);
- язык, наречие;
- **беседа, разговор;**
- **переговоры;**
- решение;
- вопрос, дело;
- обвинение;
- донос, наговор;

- спор, несогласие;
- свидетельство, свидетельское показание;
- способ;
- предмет, вещь;
- имущество (во мн. ч.);
- глагол (грамматический термин) [Срезневский 1989: III, 223–225].

Итак, основным термином для филологии (языкознания) Древней Руси в формулировании взглядов древнерусского книжника на пользование *языком—речью—словом* является термин *слово*. Это связано, на наш взгляд, прежде всего с тем глубоким философским смыслом, который вложила в термин *слово* европейская христианская культура. Конечно, мы рассматриваем этот термин только на материале русской культуры, не обращаясь к другим европейским языкам, хотя очевидно, что русское Слово в начале Евангелия от Иоанна имеет те же соответствия в разных европейских языках: ср. английское Word, французское le Mot, немецкое Wort и т.д.

Таким образом, для письменной культуры, которая в русской традиции начала реализовываться в древнерусской книжности, характерны следующие особенности в развитии терминов *язык—речь—слово*:

1. Термин *язык* в ранней письменной культуре получает развитие в приобретении нового значения: «народ, племя», а также «люди, народ». Это связано с тем, что язык начинает ассоциироваться с нацией, он осмысливается как главное средство создания и образования национального языка.

2. Основным термином в письменной культуре является термин *слово* — это доказывается количеством словоупотреблений и богатством значений, имеющихся у данного термина. *Слово* обозначает не только единицу языка, речи, но и дар слова, различные жанры речи, главное же, имеет сакральный смысл, будучи синонимом Слова Божия как Сына Божия.

3. Концепты *язык—речь—слово* получают развитие в связи с возможностями, которые позволяет дать сама письменная речь. Так, создаются сложные слова по типу «качество речи» (добро-, благо-, зло-) + вторая часть (-язычие, -словие, -речие).

Множество суждений о *языке* и *слове* находим в конкретных текстах древнерусской литературы, например в «Цветнике духовном» или «Пчеле», где собраны назидательные мысли и добрые советы, извлеченные из трудов писателей, философов, ораторов древности, преимущественно творений святых отцов и учителей церкви. «*Цветник*» восходит к древнерусским рукописям, содержащим подробные выписки о правилах христианской жизни. Наш анализ проведен по более позднему изданию 1903 г., но и это позднее издание показывает для потомков выразительность назидательных правил ведения речи, которые сгруппированы в главы «*Слово и дар его*», «*Слово и дело*» [Цветник 1903: 141—154]. Изречения «*Цветника*» не только повторяют смысл и содержание ряда общефольклорных суждений, но и выстраивают новые принципы духовной морали и речевой этики:

- *Язык есть самый благодетельный и самый вредный орган у человека.*
- *Одно уступчивое слово может утолить гнев, а грубое — привести в бешенство.*
- *Худое слово и добрых делает худыми, а слово доброе и худых делает добрыми (Св. Макарь Великий).*
- *Одна речь, одно слово, безрассудно произнесенные, достачны иногда бывают, чтобы решить наше несчастье.*
- *Наблюдай за собою строго в произносимых тобою словах, чтобы после не раскаяться.*
- *Сказанное слово назад не воротить: пока не произнес его, ты ему господин; а когда произнес, оно твой господин.*
- *Только тот вполне обладает даром слова, кто не проронит ни одного слова даром.*
- *Много не говори: мудрые много не говорят. Говоря много, нельзя не согрешить. Надобно стараться, чтобы говорить немного и вовремя, именно тогда, когда видим, что молчание бесполезно. Впрочем, и тогда не говори, чего не знаешь.*
- *Не медли слушать добрый совет и полезное наставление, но не спеши сам давать советы и наставления. Будь скор для слушания и медлен на ответ (Сир. 5:13).*

- Не тот мудр, кто много говорит, но тот, кто знает время, когда должно говорить. С разумом молчи, с разумом и говори.
- По крайней мере, Христианин, не скор буди усты твоими (Еккл. 5:1); давай себе размыслить, во благо ли тебе и другим будет слово, которое ты рождаешь в мир и которое, как бы ни казалось малым и ничтожным, будет жить до последнего суда и предстанет на нем во свидетельство или о тебе, или против тебя (Он же).
- Когда умный человек хочет что-либо сказать, то сперва подумает и размыслит сам в себе и потом уже думает, что он сказал.
- Мудрый передумывает многое, прежде чем он говорит, именно: что, кому, где и когда он должен говорить! (Св. Амвр. Медиолан).
- Некто сказал о себе: девять помышлений ублажих в сердце моем, а десятое изреку языком (Сир. 25:9). Так берегут слово знающие цену его! (Филар. М. Москов.)
- Слово есть образ мысли и выражение наших чувств: следовательно, из слов легко может познаваться внутреннее, душевное состояние человека говорящего.
- Безрассудный болтун как барабан: гремит из всех сил, а внутри пуст.
- Слова неразумного человека — шумный плеск моря, которое бьет в берега, но не напоит береговых растений (Св. Григор. Богосл.).
- Не отвержай уст твоих для смеха: это признак рассеянной и нерадивой души, чуждой страха Божия (Авва Исаия).
- Облака закрывают солнце; а многоглаголание потемняет душу, которая начала просвещаться молитвенным созерцанием (Св. Исаак Сирин).
- Как пчелы не терпят дыма, так и Ангелов Хранителей празднословцы кощунники отгоняют от себя.
- Равно худы — и негодная жизнь, и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь и другое (Св. Григор. Богосл.).
- Блюдись, человек, возьми власть над языком своим и не умножай слов, чтобы не умножить грехов (Св. Антон. Велик.).

- *Будь внимателен к себе до того, чтобы ни одного праздного слова из уст твоих никогда не выходило. И за одно праздное слово суд будет (Мф. 12: 23) (Прот. Авр. Некрасов).*

- *Люби более молчать, нежели говорить; ибо молчание собирает, а многословие расточает (Авва Исайя).*

- *Как вода, заключенная со сторон, устремляется вверх, а предоставляемая самой себе разливается во все стороны и устремляется в места низменные, так и душа, огражденная благоразумным молчанием, собирается в самой себе и стремится горе, тогда как, предаваясь многословию, она, так сказать, разливается по внешним дальним предметам (Св. Григорий Дво-слов).*

- *Хорошо благовременное молчание — оно нечто иное есть, как мать мудрейших мыслей (Ава Диадок).*

- *Безмолвие есть начало очищения души (Св. Васил. Велик.).*

- *Брам спросил Авву Сисоя: «Намереваюсь хранить мое сердце». Старец отвечал ему: «Как возможем охранять наше сердце, когда язык наш подобен отверстым дверям?»*

- *Кто не умеет молчать, тот не умеет говорить.*

- *Учись говорить немного с людьми, а много с собою и с Богом.*

- *Прежде нежели пойдешь в какое-либо общество, молись Господу, чтобы Он положил хранение устам твоим, и в продолжение твоей беседы помышляй, что Бог вездеприсуиц и слышит тебя. От времени до времени беседуй с Ним в своем сердце.*

- *Иной человек, кажется, молчит, но в сердце своем осуждает других; такой непрестанно говорит. А другой с утра до вечера говорит, и между тем соблюдает молчание, потому что он ничего без пользы не говорит (Авва Пимен).*

- *Хорошим умам свойственно в рассуждениях других любить истину, а не слова (Блаж. Августин).*

- *Лгать значит представлять свидетельство безумного презрения в отношении к Богу и малодушного страха со стороны людей (Монтень).*

- *Когда тебе необходимо должно говорить, говори о всем правду открыто, без всякой двусмысленности, а ложь есть целый и прямой путь к геенне.*

- *Приучай сердце твое соблюдать то, чему учит язык твой (Авва Пимен).*

- *Лучше мудрость, не словом блистающая, но свидетельствуемая делами (Св. Григор. Богосл.).*

- *Лучше красно жить, нежели красно говорить (Св. Тихон Задон.).*

Конечно, из каждого подобного текста выводятся положительные правила речи или, напротив, запреты на дурное употребление языка. Систематизация этих правил затруднена их многозначностью и разнообразием. Тем не менее можно сделать следующие выводы:

1. Язык оценивается антиномично, т.е. он может быть и орудием для достижения блага, и привести человека к несчастью.

2. Оценка словам дается по этико-моральным принципам: слово — либо худое и злое, либо доброе и благое.

3. В речи выражаются все чувства человека, которые оцениваются либо с положительной стороны (*уступчивость, кротость, милосердие* и т.д.), либо с отрицательной (*гнев, бешенство, грубость* и т.д.).

4. Речь оценивается положительно на основании следующих принципов: *когда язык сдерживается; связывается с мудростью, разумом; речь говорится вовремя; речь готовится; экономится* и т.д.

5. Речь оценивается отрицательно на основании следующих принципов: *когда человек несдержан на язык; речь не соединяется с мудрыми мыслями, разумом; речь говорится не вовремя; плохо подготовлена; говорится с пустыми словами и смехом* и т.д.

Переход к письменной истории человечества заставляет по-иному взглянуть на данные термины, ставя на первое место в европейской традиции термин *слово*. Это утверждение иллюстрируется не только самим фактом называния главной науки, занимающейся *языком* — *речью* — *словом*, филологией, предметом которой становится *слово*, но и наблюдениями над функционированием данных терминов в текстах классических русских филологических сочинений, где именно *слово* в много-

образии его проявлений является основным термином «словесных наук».

Высказанный тезис подтверждается анализом классических русских филологических сочинений, где употребляются термины *слово* — *язык* — *речь*.

В первом русском научном сочинении, описывающем филологические дисциплины, **«Сказании о семи свободных мудростех»** (по нашему предположению, оно написано в 1613—1620 гг.), термин *слово* употребляется в двух значениях: 1) Слово Божие, Божественное Откровение («во плоти учением Слова») [Спафарий 1978: 141]; 2) *слово* как *речь* — ср. у Николая Спафария в 1672 г. при объяснении науки грамматики: «Из речения же состоит слово... И есть слово речений сложение» [Спафарий 1978: 30], т.е. из слов-«речений» составляется *речь-«слово»*, а *речь-«слово»* есть «сложение слов-«речений».

Подобное объяснение *слова* как *речи* находим и в определениях риторики: «Риторика есть *художество*, яже учит *слово* украшати и увещевати» [Там же: 31]. Поэтому неслучайно М.В. Ломоносов, формируя основной состав филологических дисциплин (а великий ученый, как известно, написал «Краткое руководство к красноречию» и «Российскую грамматику»), назовет эти науки не «языковыми» или «речевыми», а именно «словесными» (см. ниже параграф *о языке—слове—речи* у М.В. Ломоносова).

§ 4. Российско-китайские аналогии в именовании Слова и основных словесных наук

Итак, основным термином в русской письменной культуре становится *слово* — это доказывается количеством словоупотреблений и богатством значений, имеющихся у данного термина. *Слово* обозначает не только единицу языка, речи, но и дар слова, различные жанры речи, получает множество дополнительных смыслов. Основное значение слова зафиксировано в главном культурно значимом тексте европейской культуры — Священ-

ном Писании, откуда оно начинает распространяться в другие тексты, хранимые в культуре.

Что же обнаруживается в китайской философско-филологической традиции? Как было показано выше (см. § 1), в одной из канонических древнекитайских книг о сотворении мира «Цзян Цзи Вэнь» («Тысяча иероглифов») последовательно говорится о том, что вначале появились небо и земля, тьма и свет, вода и суша, верх и низ, стороны света, деревья и растения, а затем — человек, который наделяется даром слова. Таким образом, при отсутствии монотеистического (т.е. божественного) начала мы видим в китайской традиции принципиально одинаковую последовательность сотворения мира из небытия неким духовным началом, которое в европейской традиции названо Богом, а в китайской традиции объясняется как *дао* — правильный путь. Вот как пишет об этом выдающийся китаист академик В.М. Алексеев: «Это правило-*дао*, являясь абсолютной истиной, находящейся вне человеческого постижения, все же излучалось из своего предвечного состояния и шло почивать на одном из людей, ибо человек есть третья стихия мира после неба и земли» [Алексеев 1978: 49]. Очевидна аналогия с соответствующими категориями европейской философской мысли: подобно Богу, правило-*дао* представляется абсолютной истиной вне человеческого постижения, и, подобно Божественной благодати, идущей от Бога к человеку, правило-*дао* идет «почивать на одном из людей». Характерна и китайская «троица»: небо—земля—человек, сопоставимая с европейской христианской Троицей: Бог-Отец, Бог-Сын (вочеловечившееся Слово Божье) и Бог-Дух Святой. Только в европейской традиции Божественная Троица находит проявление в человеке, цель существования которого — совершенствование и обожение своей греховно-словесной природы, достижение идеала Бога-Слова.

Принципы китайского вероучения заповеданы в дошедших до нас книгах (*вэнь*) подобно книгам Божественного Откровения, при этом *вэнь* есть не простая письменность, а «та самая правда, “правило”, путь-*дао*, которая древностью воплощена» [Алексеев 1978: 51]. Анализируя понятие «литература» в Китае, академик Н.И. Конрад пишет, что оно «известно каждому ки-

тайцу. Таким словом-термином “литература” является *вэнь*. Это слово и самое устойчивое, и самое древнее» [Конрад 1977: 546].

Слово *вэнь* со значением «литература» и — шире — «культура» часто встречается в первом памятнике классической китайской древности — «Лунь Юе». Из этого памятника мы узнаем, что в глазах Конфуция входило в состав этой «вэнь» — образованности, культуры? То, что содержалось в *шу* (эдикты, указы), *ши* (песни), *ли* (правила, нормы поведения), а потом стало «Шу-цзином» («Книгой истории»), Ши-цзином («Книгой песен»), «Ли-Цзи» («Книгой правил»).

Сюй Ган соединил понятие *вэнь* — письменность, образование, просвещение, литература — с понятием *и* — искусство, умение [Там же: 547].

Однако очевидно, что слово *вэнь* приобретает в китайской философии значение не только литературы, но — шире — некоего инструмента мироустройства, проникающего во все сферы бытия. *Вэнь* присутствует во всем, что есть прекрасного в этом мире, — и здесь вновь напрашивается аналогия со Словом Божиим, которое, как полагает православная философия, проникает во все «видимое и невидимое» (отголоски такого понимания слова присутствуют и в светской поэзии — ср. строки поэта В. Коллегорского: «Слово везде и нигде, слово — это слово»).

Н.И. Конрад переводит слово «*вэнь*» как литература, рассматривая последнее в широком и узком смыслах. Широкий смысл понятия *литература* предполагает «все созданное на своем языке», а поскольку литература есть «явление историческое», то нельзя не видеть ее развития вместе с обществом, когда меняется и обогащается ее жанровый состав, расширяется объем и сила ее влияния [Конрад 1977: 543]. Неслучайно Н.И. Конрад проводит аналогию с древнерусской литературой, где также существовал и постепенно утверждался все более расширенный состав «разнородных произведений», куда входили «фольклор, художественная литература, история, публицистика, философия и т.д.» — из него-то и выделилось «то, что мы сейчас называем литературой в узком смысле слова: художественная литература как явление самостоятельное в отличие от других произведений слова» [Там же].

На наш взгляд, термину *литература*, несмотря на всю его широту, предшествовал в русской филологии другой, более точный термин «словесность», который включал в себя «всю совокупность словесных произведений». В понятие *словесность* входили лучшие отечественные произведения всех видов слова: и фольклор, и письма, и документы, и письменная и литературная словесность (не только художественная литература, но и научная по разным специальностям и публицистическая), а сегодня входят также разнообразные устно-письменные тексты массовой коммуникации. Художественная литература в таком перечне является всего лишь видом словесности, хотя именно она стала для русской словесной культуры основным и наиболее ценным видом речи. Такую разницу между *словесностью* и *литературой* отмечают все русские учебники по теории и истории словесности пушкинского времени, а стерто это различие было после реформ, проведенных в русской филологической науке в середине XIX в., когда была отменена риторика как теория разных видов прозы и особым приоритетом стали пользоваться именно тексты художественной словесности, или литературы.

Этот терминологический сдвиг мы и наблюдаем в сочинениях выдающихся советских академиков-востоковедов В.М. Алексеева и Н.И. Конрада, творивших, конечно, в рамках сложившейся и общепринятой к тому времени терминологии. Так, Н.И. Конрад, анализируя книгу «Вэньсюань», созданную Сяо Туном (501—531) и «десятью учеными высокого кабинета», которыми окружил себя Сяо Тун, переводит ее название как «Избранное в литературе», или «Антология литературы». В этой «Антологии» 30 разделов, 760 произведений, принадлежащих 1390 авторам, и все произведения разбиты на 39 жанров. Среди них не только стихи, «поэмы в прозе», но и проза обычная: доклады чиновников, статьи публицистического характера, надгробные речи, эпитафии, панегирики и т.д. Очевидно, что это не только то, что мы называли бы изящной словесностью, или литературой, но сочинения более широкого характера и содержания — именно их и стоит подвести под общее название «словесности».

Характерно, что среди этих произведений «нет произведений Чжоуского графа (Чжоу-гуна. — *Н.К.*) и Куна (Конфуция), нашего отца... они вечны среди нас, как солнце и луна в небесах, и сверхъестественно глубоки, словно хотят спорить с божественными силами...» [Конрад 1977: 549]. Напрашивается аналогия с русской традицией: как Священное Писание, или тексты Божественного Откровения, не соединялись с последующими текстами, пусть даже и духовно ориентированными, а стояли как бы над ними в их «божественном сиянии и блеске», так и тексты Чжоу-гуна и Конфуция отделены от последующих многочисленных текстов «Антологии», происшедших от главных текстов культуры. Роль филолога и на Западе, и на Востоке заключалась в том, чтобы отбирать и закреплять эти основные культурно значимые тексты, будь это «Антологии» в китайской традиции или хрестоматии книжников в русской филологии. Предлагаем тексты, положенные в основу каждой из цивилизаций, назвать **главными текстами культуры** — ими будут Священное Писание для европейской традиции, тексты Чжоу-гуна и Конфуция для китайской традиции, а последующие отобранные и сохраняемые тексты — **основными культурно значимыми текстами** цивилизаций.

Характерна еще одна аналогия с русской традицией, которая напрашивается при знакомстве с описанным Н.И. Конрадом китайским понятием «литература»: «Литературным произведением следует считать вообще то, в чем “собраны и соединены *краски слов*, отделаны и сопоставлены цветы фраз”. Так это слово звучит в упрощенном русском переводе, упрощенном потому, что китайское слово, переданное нами русским “краски” в выражении “краски слов”, имеет значение “окраска”, “узор”, а слово, переданное русским “цветы” в выражении “цветы фраз” означает в то же время “блеск”, “красота”. Но мысль Сяо Туна понятна: ...основным признаком подлинного художественного произведения является его художественность, причем такая художественность, которая выражена в отделке каждого слова, каждой фразы. Только такие произведения он называет ханьцзао — словом, по значению очень близким к тому, что у нас называлось в свое вре-

мя “изящной словесностью” или “изящным слогом”» [Конрад 1977: 550].

Как видим, Н.И. Конрад сам проговаривается насчет «словесности», хотя уже в более позднем ее понимании, характерном, скорее, для второй половины XIX в. Аналогия же напрашивается следующая: «краски слов», «цветы фраз» — это то, что в русской традиции объяснялось как *красноречие* — искусство (природное дарование, умение) убедительной, украшенной, уместной речи. Причем в русской классической традиции до середины XIX в. «теорией красноречия» называется риторика, а само красноречие рассматривается как искусство создания прозаических текстов самых разных видов и жанров словесности (см. подробнее [Аннушкин 2003]).

Таким образом, анализ развитого состояния словесной культуры в русской и китайской традициях позволяет провести следующие аналогии:

1. В русской (европейской) традиции существует основное понятие *слово*, которое воплощает в себе идею *Слова-Логоса*, равнозначную идее Бога, Божественного сотворения мира и человека, который наделяется даром слова. Китайская культура воплощает идею творения мира, абсолютной истины и правильности пути в *дао*, которое находит выражение в концепте *вэнь*, означающем все совершенное в мире и человеке как существе, способном выразить это совершенство в словесной форме.

2. Идея любви к слову, нашедшая выражение в европейской науке филологии, реализуется в деяниях филолога как носителя культуры, а именно: в создании, отборе и систематизации наиболее совершенных произведений слова, которые в более поздней науке XX столетия обозначены *литературой*, а в более ранней русской традиции выражаются термином *словесность*.

3. Существуют основные ключевые тексты русской и китайской культур (русскую культуру в данном случае мы рассматриваем как частное выражение одной из европейских культур) — это Священное Писание (Книги Ветхого и Нового Завета) и сочинения основателей китайской философии, исторического китайского мировоззрения (прежде всего Конфуция и Чжоу-гуна). Эти главные тексты лежат в основе культур, и

именно из них начинают развиваться все последующие основные культурно значимые тексты.

4. Каждая словесная культура создает свою филологию как излюбленные, отобранные тексты культуры (ныне их называют также прецедентными, в связи с тем что они становятся образцами для последующих текстов). Каждая культура усилиями своих книжников создает свою антологию текстов, которую называют в русской традиции либо *словесностью*, либо *литературой*, а в китайской традиции называют *вэнь*.

5. Отбор основных культурно значимых текстов ведется по принципам украшенности речи, изящности и выразительности слова, наиболее точно соответствующим в русской традиции понятиям *красноречия* в ранней традиции, *художественности* — в более поздней. В русской риторической культуре всегда ценилась традиция истинного (в противоположность ложному) красноречия, которое всегда требовало соответствия идеям истины и общего блага.

6. Имеется еще множество аналогий: например, комментарий к триграммам «И-цзин» состоял в появлении «слов», которые записаны в «Си цы-чжуань» (вероятно, VII в. до н.э.), где Вэнь-ван, идеальный правитель, мудрец-монарх, «привязал к триграммам *цы* и сделал ясным счастье и несчастье». *Цы*, как поясняет академик Н.И. Конрад, «тут значит именно “слово”, слово человеческого языка, с помощью которого Вэнь-ван объяснил понятным людям смысл триграмм в приложении к человеческой судьбе» [Конрад 1977: 551].

В сделанном анализе отражено понимание концепта *слово* по преимуществу в ранней традиции, однако, несмотря на то что в современных науках более говорится о языке и речи (предпочитаем здесь не затрагивать преимущественно сословное, упрощенное понимание этих категорий, господствующее в современной лингвистике), классическое понимание Слова как инструмента творения мира, организации человеческого бытия и, главное, средства сохранения и приумножения культуры тем не менее продолжает существовать в сознании современного человека, а это верный знак того, что наша культура не погибает, а продолжает развиваться и совершенствоваться.

В качестве подтверждения последнего тезиса сошлемся на активно разрабатываемое в современной филологии понятие *словесности*, которое включает, по крайней мере, четыре толкования: 1) совокупность словесных произведений (текстов) русской речевой культуры (и эта совокупность должна изучаться современной филологией в полном объеме); 2) дар слова, способность человека выражать свои мысли и чувства в слове; 3) искусство слова, словесное творчество; 4) наука о Слове, или совокупность «словесных наук», аналог филологии. Современный человек должен стремиться овладеть всеми видами *слова*, поскольку новое информационное общество может быть благоденствующим только при развитии *словесно-речевых* наук и искусств, воспитании *словесных* дарований и совершенствовании человека как существа *словесного*.

Вопросы для обсуждения

1. Что такое логосическая теория происхождения языка и как она проявляет себя в разных культурах?
2. Как объясняется Слово в русской духовной традиции? Почему можно говорить о непротиворечивости духовной и светской традиций в толковании смысла Слова?
3. Каково соотношение терминов *язык—речь—слово* в фольклоре как устной культуре? Когда значения этих терминов синонимичны и в чем они расходятся? Какой из этих терминов можно считать основным в текстах пословиц и поговорок?
4. Какие сдвиги и преобразования происходят в значениях терминов *язык—речь—слово*? Какие дополнительные смыслы приобретают эти термины в письменной культуре Древней Руси?
5. Какой из трех терминов становится наиболее продуктивным и обладающим наибольшим количеством смыслов?
6. О чем говорят данные, связанные со сложными словами типа «добрословие / злословие», «благоречие / злоречие» и подобными? Какие из этих образований наиболее продуктивны? О каких вкусовых предпочтениях говорят эти данные?

7. С какими категориями европейской духовной культуры соотносятся китайские понятия *дао* и *вэнь*? В чем сходство (универсальность) и различие в объяснении происхождения мира и его соотношения с человеком «словесным»?
8. Что входит в понятия «литература», «словесность», *главные* и *основные* тексты культуры? Каков состав главных текстов в русской и китайской традициях? Какие тексты (жанры текстов) составляют корпус основных (культурно значимых) текстов в обеих культурах?

Лекция 3

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНОВ *ЯЗЫК—РЕЧЬ—СЛОВО* В РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XVIII—XIX ВЕКОВ

§ 1. Философское учение о *слове* и концепция *языка* в творчестве М.В. Ломоносова

М.В. Ломоносову принадлежат две фундаментальные работы, положившие начало науке о русском языке. В 1748 г. было опубликовано «Краткое руководство к красноречию» (первая редакция сочинения называлась «Краткое руководство к риторике» и была создана в начале 1744 г.) — этот труд лег в основу последующей русской риторико-стилистической традиции. В 1755 г. была написана «Российская грамматика», которая явилась фундаментом для русской грамматической науки. Как сказано в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг., грамматика является «основанием словесных наук» [Словарь Академии Российской 2004: II, 316]. Среди трудов М.В. Ломоносова «Российская грамматика» явилась вершиной его творчества, где не только даны определения большинству грамматических категорий, но изложен философский взгляд на природу языка и слова.

Характерно, что ни М.В. Ломоносов, ни последующие филологи-словесники в учебниках грамматик или риторик нигде не приводят определений терминов *язык—речь—слово*, поскольку эти понятия казались более или менее ясными читателям их книг. Однако понимание этих терминов может быть реконстру-

ировано из определений наук, к которым они относятся, и из контекстов самих учебных руководств. Не писал М.В. Ломоносов и краткого курса по языкознанию в современном смысле, однако смысл обсуждаемых терминов будет восстанавливаться как более глубокий, нежели это представляется на первый взгляд, и как более своеобразный, нежели это видится современному обыденному сознанию.

«Российская грамматика» начинается Предисловием, обращенным к наследнику престола, — это гимн русскому языку, названному, кстати, российским в соответствии с новой идеологией, утверждавшейся Российской империи: «Повелитель многих языков, **язык российский**, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным пространством и довольствием велик пред многими в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали» [Ломоносов 1952: 391]. Таким образом, язык понимается как «наречие; слова и образ речи, употребительные каким-либо народом» [Словарь Академии Российской 2004: VI, 1037—1038] — таково одно из определений Словаря Академии Российской, которое более подробно проанализируем ниже.

Далее следуют известные каждому современному российскому школьнику слова о качествах языка, которые сегодня должны были бы быть названы «коммуникативными качествами речи»: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но есть ли бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков» [Ломоносов 1952: 391].

Действительно, если оценивать употребление термина *язык* в данном тексте с позиций современной науки, то фраза «говорить прилично (пристойно)», конечно, относится более к речи,

нежели к языку, поскольку касается конкретности употребления языка, а это и есть речь, а перечисленные свойства языка — не что иное, как качества речи.

Заметим, à propos, что определения наук в истории русской филологии даются обычно как раз через «качества речи» (ср. у Михаила Усачева, чью «Риторику» переработал М.В. Ломоносов: грамматика — наука «добре глаголати», т.е. о хорошей и правильной письменной и устной речи, риторика — «наука добре, красно и пристойно глаголати», т.е. добавляются к правильности речи качества украшенности и уместности).

Но поскольку нас в ломоносовском тексте интересуют как раз три термина *язык*—*речь*—*слово*, то посмотрим дальнейший текст. М.В. Ломоносов доказывает верность предыдущего рассуждения обращением к упражнению в «русском *слове*» (здесь и далее курсив и подчеркивания мои. — В.А.), а говорит об использовании языка в речи:

«Меня долговременное в русском **слове** упражнение о том совершенно уверяет. Сильное **красноречие** Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на русском **языке**» [Там же: 392]. Термин *слово* имеет здесь смысл конкретного употребления языка в тексте. «Упражнения в слове» — это работа над созданием текста, упражнения в речи, работа над языком. М.В. Ломоносов употребляет слово *язык* в значении совокупности средств выражения, используемой данным национальным коллективом (народом). Сделано это вполне в соответствии с традицией письменной культуры, показавшей сходство понятий *язык* и *народ*. В то же время далее встречается и третий, интересующий нас термин — *речь* — в значении распространенного текстового образования, которое создается определенными средствами, имеющимися в распоряжении у данного народа:

«Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие **речи**. И ежели чего точно изобразить не можем, то не **языку** нашему, но недоволь-

ному своему в нем искусству приписывать долженствуем» [Там же: 392].

Более всего нас должно заинтересовать дальнейшее: «Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем **общее философское понятие о человеческом слове**, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море. Отражаясь в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж сея обширности — Российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую» [Там же: 392].

Таким образом, М.В. Ломоносов намечает существование некоей **философии слова**, основные правила которой изложены в грамматике. Грамматика, по мысли М.В. Ломоносова, является основой для последующих употреблений языка в слове и речи, при этом *слово* может пониматься и в широком смысле — как «обширное поле» словесно-речевой деятельности человека. Тот факт, что грамматика является основой для последующих действий с языком, которые, собственно, и становятся речью, ясно представлен в последующем рассуждении, когда М.В. Ломоносов обращается к сферам общения или родам наук, существовавшим в XVIII столетии: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления **языка** происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению» [Там же: 392].

Венчает это предисловие стилистически возвышенное пожелание наследнику Павлу Петровичу: «...да возрастет и русского **слова** исправность в богатстве, красоте и силе к описанию славных дел предков ваших...» [Там же: 393]. Как видим, стилистическая возвышенность употребления термина *слово* начиналась в ломоносовское время и сохраняется поныне.

В дальнейшем М.В. Ломоносов сделал несколько важных замечаний относительно **философии слова**. Текст самой «Российской грамматики» начат «Наставлением первым “О человеческом слове вообще”». Как видно уже по самому началу этого раздела, М.В. Ломоносов фиксирует общефилософские суждения, которые, с одной стороны, были достаточно общими для

его времени, с другой стороны, утверждали понимание человека как существа, в характеристике которого главное — «слово». Вот как пишет об этом сам ученый:

«По благороднейшем даровании, которое человек среди прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий — разуме, первейшее есть **слово**, данное ему для сообщения своих мыслей» [Там же: 394]. Итак, первое, чем человек обладает и чем превосходит других существ, — разум, управляющий нашими действиями, разум же выражается в слове, цель которого «сообщение мыслей». Кроме того, что в этих рассуждениях вполне явлена логосическая традиция, ибо Логос есть единство «разума (мыслей) и слова», нельзя не видеть современности этого определения, ибо «со-общение» (именно так было переведено латинское слово *communicatio* в первой русской «Риторике» XVII в. [Аннушкин 2006: 287]) как раз соответствует идее коммуникативности, на которой построено все обучение речи во второй половине XX столетия.

Обратим внимание и на то, что термин *слово* имеет в ломоносовском труде значение самой способности выражать мысли в устно-речевой форме. М.В. Ломоносов пишет: «Но как велика творческая премудрость: одарил нас **словом**, одарил слухом!» [Ломоносов 1952: 395]. Понятно, что слово здесь понимается не просто как понятие или единица языка, а как нечто большее — сама творческая способность человека мыслить и выражать мысль в речи.

Присутствует в ломоносовской теории и идея знаковости. Современному исследователю хотелось бы написать: «знаковости языка», однако у М.В. Ломоносова в тексте речь идет именно о знаковости «слова»: «Правда, что кроме **слова** нашего, можно бы мысли изображать через разные движения очей, лица, рук и прочих частей тела...» [Там же: 393]. М.В. Ломоносов как раз вдохновенно пишет о возможности человека общаться словами в «разговоре», так что глава 1-я «О голосе» данного Наставления повествует о слове как устной речи: «К образованию (а образованием названо у М.В. Ломоносова «изменение голоса» как индивидуальное выражение голосовых особенностей каждого человека или народа, которые узнаются

на слух. — В.А.) принадлежит и **слова человеческого выговор**», где выговором называется изменение голоса с «изображением... голосов разных животных и бездушных вещей» [Там же: 398].

В следующей, 2-й главе «О выговоре и неразделимых частях человеческого слова» употребление терминов *слово* и *язык* ясно подтверждает их понимание как инструментов создания устной речи: «Хотя не все сии изменения, однако великую часть оных имеет в себе человеческое слово. Толь многих народов, разным странам обитающих, разные языки каких отмен не имеют! Показывают сие многие азиатические, африканские и американские народы, которых языки больше на шум других животных, нежели на человеческий разговор, походят, как о том многие описания путешествий свидетельствуют» [Там же: 398].

«Неразделимыми частями **слова**», как выясняется из повествования, называется примерно то, что сегодня было бы названо наименьшей единицей языка, т.е. той, «в которой в неразделимое по чувствам время ни напряжением, ниже повышением ничего отменного произвести невозможно» [Там же: 398]. К ним будут относиться как отдельные начертания букв, так и отдельные «движения органов» в производстве устной речи.

«Неразделимые части слова» затем, как говорится в главе 3, могут подвергаться операции «сложения», в результате которой «склады» образуют «речение». Ломоносовское *речение* понимается также как *слово* в обозначении отдельной лексемы — о соревновательности двух терминов-синонимов (*речение* и *слово*) в назывании отдельного понятия будет сказано чуть ниже.

В главе 4 М.В. Ломоносов переходит к «знаменательным частям человеческого слова», вновь повторяя идею о том, что «слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому» [Там же: 406]. А поскольку человек «понимает... и общает другому идеи вещей и их деяний», то основные «изображения словесные вещей бывают либо именами, либо глаголами». Они и называются «**знаменательными частями слова**» [Там же: 398]. Обращаем внимание на то, что сегодняшние *части речи* названы **частями слова**.

Современный исследователь находит много необычного в употреблении традиционных сегодняшних терминов, которые

претерпели исторические изменения. Так, в значении «коммуникации», «контакта», «связи» употреблено слово «обращение»: «Обращение мыслей человеческих, для которых взаимного сообщения служит слово...» Подводя итог сделанной классификации, М.В. Ломоносов делает вывод: «Посему **слово** человеческое имеет осмь частей знаменательных: 1) имя для названия вещей; 2) местоимение для сокращения именований; 3) глагол для названия деяний... и т.д.» [Там же: 408]. Конечно, в данном случае нельзя не заметить, что М.В. Ломоносов, развивая новое учение, вполне сохраняет верность классической традиции, где было принято описывать «осмь частей слова» (как известно, самым популярным сочинением в Древней Руси была грамматическая статья «О осми частех слова»).

Аналогом слова в основном современном значении этого лингвистического термина («основная структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для данного языка» [Русский язык 1997: 496]) был термин «речение». Это доказывается следующими контекстами.

Звуки у Ломоносова названы «неразделимыми частями слова». Они бывают «самогласные» и согласные. «Таковые неразделимые части слова изображаются... различными начертаниями, которые называются по нашему буквами» [Ломоносов 1952: 398]. Затем в описании М.В. Ломоносов называет эти «неразделимые части слова» (звуки) — буквами, а из «неразделимых частей слова», согласно его теории, составляются «склады» (в современной терминологии — слоги). Из складов «состоит речение» [Там же: 403]. Одна из последующих глав так и названа «О складах и речениях» [Там же: 403].

Таким образом, в ломоносовском описании «неразделимая часть слова», т.е. речи, — это звук и ее начертание — «буква»; «склад» — это современный *слог*, «речение» — это современное *слово*. Термин *слово* у М.В. Ломоносова принимает более широкое значение: это и словесный дар, свойственный человеку, и речь, и вся совокупность словесных произведений, которая по-

лучается в результате творческой деятельности человека, и отдельное «речение» как понятие, единица языка.

Любопытно, что изменение термина «речение» и замена его термином *слово* в значении единицы языка, понятия, отрезка текста произойдет уже в конце XVIII столетия, что будет отмечено в «Словаре Академии Российской» 1789—1793 гг., о котором речь пойдет ниже.

§ 2. Термины *язык—речь—слово* в русской лексикологии и лексикографии XVIII—XIX веков

Термины *язык—речь—слово* получили всестороннее описание в русской лексикологии и лексикографии раннего периода развития русской филологической традиции. Покажем эволюцию данных терминов на примере наиболее авторитетных словарей: «Словаря Академии Российской» 1789—1794 гг. (далее САР) и «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Прежде всего отметим, что в определениях слова *язык* в САР невозможно искать современного значения системы языка или чего-либо подобного. Приведем данные Словаря Академии Российской 1789—1794 гг., чтобы почувствовать стилистику и содержание словарных определений этого первого научного лексикографического опыта в России. Слово *язык* имеет следующие значения: «1) Совершенно мясистая, во рту у животного лежащая и от других отделенная часть...; 2) Наречие; слова и образ речи употребительныя каким-либо народом. *Российской, Аглинской, Латинской язык...*; 3) Оговорщик, колодник, оговаривающий других сообщников в своем преступлении; 4) Пленник...; 5) Народ, племя». В словах, образующих гнездо, также просматриваются положительные и отрицательные возможности использования *языка*: «*благоязычие* — красноречие; *языковредие* — злоречие во вред себе и другим; *злоязычие* — злословие, злоречие; *косноязычие* — гугнивость, заикливость; *медленноязычный* — то же, что *косноязычный*».

Термин *речь* в «Словаре Академии Российской» определен следующим образом: «1) Слово, или собрание многих слов, выражающих какой-либо смысл. *Остроумная, колкая речь*; 2) Выговор, выражение словом. *Плавная, тихая речь*; 3) Рассуждение изустно, пред кем предлагаемое или сочиненное. *Сочинить речь. Поздравительная речь*; 4) Жалоба, донос, вина».

Значения термина *слово* по сходству формулировок с термином *речь* ясно показывают, что их писал один человек, ср.: «СЛОВО — ...1) Всякое речение, состоящее из известного числа складов и служащее знаком какой-либо вещи. *Слово первообразное, производное. Слово простое, сложное...*; 2) ...собрание речений, заключающих какой-либо смысл; 3) Обещание, уверение. *Честное слово*. 4) Речь, проповедь, беседа... *...Слово похвальное*; 5) В торгу берется за цену, которую требует... кто за какую-либо вещь; 6) В книгах Св. Писания под именем сим разумеется Сын Божий».

Из приведенного сопоставления обратим внимание на совпадение значений терминов *речь* и *слово*, которое присутствует и в современном языке. Вот как можно реконструировать мысль автора этого текста: прежде всего синонимику двух понятий подтверждает тот факт, что «речь» определяется в 1-м значении как «слово». Затем следуют синонимические обороты, причем очевидно, что автор пытался их избежать, употребляя другие слова, ср.: *речь* — «собрание многих слов, выражающих какой-либо смысл», а *слово* — «собрание речений, заключающих какой-либо смысл».

Другое совпадение — в понимании обоих терминов как жанра публичного монолога: *речь* — «рассуждение изустно пред кем предлагаемое или сочиненное», а *слово* — «речь, проповедь, беседа, изустно предлагаемая». Как видим, не просто одно определяется через другое, но и формулировки определений повторяют друг друга.

Приведем еще одно наблюдение, которое необходимо сделать, чтобы представить эволюцию терминов *слово* и *речение* по сравнению с более ранними сочинениями М.В. Ломоносова. С целью ухода от тавтологии в определении *слова* (*слово* — собрание слов...) оно определяется в САР как «собрание рече-

ний». На наш взгляд, окончательный переход к определению совокупности звуков как *слова* от предшествовавшего ему термина *речение* произошел как раз в Словаре Академии Российской. Если *слово* определяется в нем через «речение», а затем получает разветвленную сеть значений, то *речение* определяется только как «слово» с примером «*речение простое, сложное*» [Словарь Академии Российской 2004: IV, 120]. Это означало если не умирание, то по крайней мере угасание термина *речение* в значении «отдельное слово текста». Между тем еще в научном лексиконе М.В. Ломоносова термин *речение* был одним из наиболее активных. Говоря об отдельных словах, он всегда употреблял именно *речение*.

* * *

Изучение определений терминов *язык—речь—слово* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля показывает, что выдающийся лексикограф не мог не испытывать влияния прежних определений и в то же время богато дополнял статьи собственными новыми данными. Поскольку Словарь не имел специального научного направления, научно-терминологические определения скрыты внутри статей, например, определение *языка* композиционно построено так же, как в Словаре Академии Российской:

«ЯЗЫК, м. — мясистый снаряд во рту, служащий для подкладки зубам пищи, для распознанья вкуса ея, а также для словесной речи, или у животных для отдельных звуков» [Даль 1984: IV, 674]. После этого определения имеется множество примеров (без определений) метафорического применения термина *язык* в разных предметах народного быта: язык колокола; язык, язычок органа; язычок (рыба); язычок (растение)...» и мн. др.

Затем следует переход к филолого-лингвистическим объяснениям термина *язык*:

«Язык, словесная речь человека;

Совокупность всех слов народа и верное их сочетанье для передачи мыслей своих. *Наречие, взявшее верх над прочими, сродными наречиями, зовут языком;*

Способность или возможность говорить. *Немой без языка*;

Слова, а более постановка и связь их, образ, способ выражения, свойственный кому лично. *Язык Пушкина, Крылова..;*

Строй, слог и самый выбор слов, при различном их образовании, глядя по предмету, о коем говоришь и по принятому обычаю. *Язык книжный, высокий, строгий; язык разговорный, простонародный...»*

Кроме того, конечно, сохраняется значение язык «народ» («чужой народ, иноверцы, иноплеменники») и «язычники, идолопоклонники» [Там же: 675].

Обращаем внимание на то, что все эти значения будут переосмысляться в современных словарях литературного языка, причем главным добавлением, конечно, станет осознание языка как системы знаков. В то же время «уйдет» очень многое из мелких значений языка, связанных с отдельными предметами народного быта.

Термин *слово* в Словаре В.И. Даля сохраняет все предыдущие исторические значения и получает развернутые и точные определения: «СЛОВО — исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками; словесная речь. *Человеку слово дано, скоту немота. Слово есть первый признак сознательной, разумной жизни.*

Сочетанье звуков, составляющее одно целое, которое означает предмет или одно понятие. *Слова, означающие предмет, называются существительными.*

— Разговор, беседа;

— Речь, проповедь, сказание» [Там же: 222].

Характерны соотнесения обоих терминов с науками — их определения показывают, что после середины XIX века произошло существенное разделение словесных наук и лингвистики:

«Слово — словесный... Словесные науки, ведущие к изучению слова, речи, правильного и изящного языка» [Там же: 223];

«Язык — языковеденье, языкознание — ср. филология и лингвистика, изучение древних или живых языков» [Там же: 675].

Конечно, в науке XIX века нет и намека на речеведческие науки или науки о речи. Описание термина *речь* начато сопоставлением с термином *речение*. Вот как выглядят эти определения у В.И. Даля:

- «РЕЧЕНЬЕ ср. РЕЧЬ — слово, изречение, выражение;
- Речь, что-либо выраженное словами, устно или на письме; предложение, связные слова, в коих есть известный смысл;
- Говор, высказываемое кем-либо. *Ваша речь впереди, дай-те высказаться другому.*
- Говор, наречие, способ выраженья и произношенья. *У него речь бойкая, плавная, тихая;*
- Разговор, беседа, смысл говоримого;
- Слово, проповедь, устное обращение к слушателям, наставление, поучение, рассуждение, изложение, объяснение чего. *Губернатор открыл заседание речью*» [Там же: 94].

Таким образом, в Словаре В.И. Даля обнаруживается много схожих значений данных терминов, которые повторяются в разных статьях. Так, термины *язык* и *слово* имеют общие определения: «словесная речь», «способность» (говорить или выражать мысли и чувства); термины *язык* и *речь* имеют общее: «способ выраженья»; термины *слово* и *речь* имеют общее: «разговор, беседа», «проповедь», т.е. жанр устной монологической речи (*Слово или Речь о чем-либо*). В то же время даже в описании схожих значений В.И. Даль разнообразен в словах и тонкостях смысла каждого из описываемых терминов, он дополняет индивидуальный смысл каждого термина многими примерами и пословицами.

§3. Термины *язык—речь—слово* в трудах ученых-филологов первой половины XIX века

Конец XVIII — начало XIX столетия — время интенсивного развития в западной науке идей нового нарождающегося языкознания, которые шли, в основном, из Германии, Англии и Франции. Одновременно это период самостоятельного творчества российских ученых, в котором можно увидеть множество

не только самостоятельных идей, но и самостоятельной терминологии, которую смело можно определить как национальное выражение российской отечественной культуры.

Современные учебники по истории русского языкознания обычно излагают идеи западных ученых, мало касаясь системы наук и терминологии, которая имеется в отечественных руководствах по филологическим дисциплинам. Конечно, в российских грамматиках или риториках этого периода мы не найдем предваряющих определений того, что есть язык, или речь, или слово, однако внимательное прочтение учебников грамматики, словесности, риторики позволяет ясно представить, как объяснялись эти термины.

Считаем чрезвычайно важным представить сегодня, каким был взгляд на природу словесности как основной науки, которую изучали в отечественных школах и университетах, и какую роль в этой системе знания играли исследуемые нами понятия *язык—речь—слово*. Действительно, курса «языкознание» в это время не существовало ни в школах, ни в университетах, а, например, в Царскосельском лицее изучался курс российской и латинской словесности, который обычно предварялся курсом грамматики, а продолжался курсами риторики и словесности. При этом ученики обязаны были изучить основные понятия (то, что мы назвали бы «стандартом образования»), и эти понятия значительно отличаются от тех, которые известны сегодняшнему филологическому образованию. Поэтому наша задача — последовательное прочтение основных университетских учебников с исследованием в этих трудах интересующей нас терминологии, которая несомненно являлась базовой для развития языковой личности человека на рубеже XVIII—XIX вв.

По-видимому, одним из первых учебников, в котором отразилась реформа, проведенная создателями Словаря Академии Российской 1789—1794 гг., проанализированного в предыдущей главе, явился учебник **А.С. Никольского** «Основания российской словесности» (1807). Этот учебник был одним из наиболее популярных, поскольку претерпел 7 переизданий до 1830 г.

Именно в этот период происходит рождение и формирование термина *словесность*, которому, по нашему предполо-

жению, впервые было дано определение в Словаре Академии Российской. Предполагаем, что оно и послужило стимулом к дальнейшему развитию данного термина. В Словаре Академии Российской *словесность* находит толкование в гнезде «слово»: — «1) Знание, касающееся до словесных наук. *Силен в словесности*; 2) Способность говорить, выражать» (Словарь Академии Российской 2004: V, 536).

Словесность образует, согласно учебнику А.С. Никольского, две науки: *грамматику*, обучающую «правильному употреблению слов», и *риторику*, показывающую «способ, как располагать и изъяснять мысли». Прежде чем дать определения этим наукам, А.С. Никольский излагает, как «действует или должен действовать наш разум в познании вещей или предметов, о коих свои понятия выражаем словами» [Никольский 1807: I, 2—10]. Эти действия разума человеческого объясняются в логических терминах *понятие*, *рассуждение*, *умозаключение*. Таким образом, вступление в «основания словесности» явилось краткой логикой с изложением законов мысли или разума.

1-я часть — «Грамматика» — оказалась у А.С. Никольского достаточно традиционной, включающей объяснения букв, слогов, 8-ми частей речи, законов правописания, произношения слов и стихосложения. 2-я часть — «Риторика» — сосредоточена на периодах, тропах, фигурах, хрии, учении о слоге; из прозаических видов словесности (они еще так не названы) проанализированы письма и «расположение больших слов»: «риторическое слово (*oratio*) и философское рассуждение». Виды поэзии (глава 9) также включены в риторику (см. подробнее [Аннушкин 2002: 232—245]).

Это краткое описание потребовалось для того, чтобы показать, в каком контексте существуют интересующие нас термины. Так, обнаруживается, что термин *язык* вообще не употребляется ни в грамматике, ни в риторике. Несомненно, что более частым и одним из основных в учебнике является термин *слово*: словесность понимается как дар слова, и понятно, что *слово* понимается здесь не как единица языка в современном понимании, а как способность выражать мысли словами.

Учение о словесности излагает «правила, которые показывают, как употреблять эту способность». Характерно предварение грамматического учения основными понятиями логики, которая излагает «действия разума человеческого» в реализации этой способности «словами». При определении того, что есть понятие, находим и определение *слова*:

«Что есть слово? — Всякое понятие, выраженное голосом или на письме, называется словом, или речением (*terminus*)».

Таким образом, мы вновь обнаруживаем два основных значения термина *слово*: 1) дар излагать мысли с помощью речи, языка, голоса; 2) отдельное понятие, выраженное голосом или на письме.

При изложении риторики наконец встречается термин *речь*: «Изъясняя мысли свои, мы всегда имеем какую-нибудь цель, к коей клонится наша *речь*: сия общая цель не иное что есть, как логическое предложение, которое в сем случае называется основательным или главным, а те предложения, которые приискиваем для изъяснения или подтверждения первого, именуются придаточными». И далее объясняются способы распространения предложений: «Для ясности и полноты в речи надлежит каждое из вышеозначенных предложений распространять и увеличивать...» Распространение логического предложения называется у ораторов «периодом, которое есть основание всякой *речи*». Таким образом, термин *речь* у А.С. Никольского имеет значение распространенного текста, в котором развиваются и подтверждаются какие-либо мысли.

Не менее выразительно перечисленные значения данных терминов изложены в «Опыте риторики» **Ивана Степановича Рижского** (1796). И.С. Рижский был учителем Санкт-Петербургского горного кадетского корпуса, где он написал свои основные труды (сегодня память о нем бережно хранится в Санкт-Петербургском горном институте), а с 1811 года — первым ректором Харьковского университета. Его учебник начат выразительной фразой, показывающей понимание силы слова классиками русской филологии:

«Силою **слова** проникать в душу других, повелевать их умами, растрогать их чувствительность разительным изобра-

жением нравственного, восхитить их воображение живейшим выражением вещественного изящества есть искусство красноречия, составляющее предмет риторики» (цит. по [Аннушкин 2002: 242]). Тот факт, что термин *слово* начинает иметь большее значение, нежели «простое слово», показывает рассуждение о необходимости развивать ум и вкус, а не только опираться на «пылкое воображение и чувствительное сердце». Если не иметь просвещенного ума, то «слово бывает то недостаточно, то избыточно до излишества». Можно предположить, что речь идет не только о монологической публичной речи, но и о всякой речи или тексте, которые выражаются словами. Таким образом, и здесь термин *слово* понимается как распространенная речь.

Очевидно, что новый взгляд на словесные науки, среди которых словесность оказалась главной, утвердился в начале XIX в. При этом наблюдалось интенсивное развитие научной мысли, которое недостаточно прослежено в современной филологической науке. В начале этого периода более издаются «грамматики» и «риторики», а затем, а именно с начала первого десятилетия XIX в., — учебники словесности, которые впоследствии получают названия теории словесности и истории русской словесности. Поскольку нас интересуют термины *язык—речь—слово*, то мы остановимся именно на толковании этих терминов в наиболее популярных учебниках того времени.

Безусловно, одним из таких учебников был разошедшийся в списках трактат **М.М. Сперанского** «Правила высшего красноречия» (1792). В бытность свою профессором риторики в Александро-Невской лавре он написал этот трактат как своеобразную программу речестилевого преобразования России. Прежде всего обратим внимание на то, что к концу XVIII столетия уже не было сомнений относительно того, что слово «красноречие», утвержденное в науке М.В. Ломоносовым, рассматривалось как более предпочтительное по сравнению со словом «краснословие», бывшим более популярным в конце XVII века и, видимо, даже в петровское время. Поэтому и в названии трактата звучит слово «красноречие», а не «краснословие». Но затем последовательные выборки позволяют с уверенностью сказать, что термин *слово* и здесь более предпочтителен

в сравнении с термином *речь*, а тем более с термином *язык*: ср., например, в названиях глав: «...О страстном в слове; ...О расположении слова...» [Сперанский 1844: 5].

Посмотрим употребление терминов в самом тексте:

Риторика есть «наука изъяснять из природы души те порожения, которые мы испытываем при *слове*...»;

«Разделив предметы *речи* на несколько известных статей, они мнили тем оказать существенную услугу человеческому *слову*»;

«Главный предмет церковного *слова*, так как и красноречия, есть тронуть сердце...»;

«Доказательства... в *слове* суть то же, что кости и жилы в теле»;

«Под страстным в *слове* я разумею сии места, где сердце оратора говорит сердцу слушателей, где воображение воспламеняется, где восторг рождается восторгом»;

«Все мысли в *слове* должны быть связаны между собою так, чтобы одна мысль содержала в себе, так сказать, семя другой»;

«*Слово* есть род картины... без красок картина будет мертва...» (цит. по [Аннушкин 2002: 220, 222—224, 227, 228]).

Во всех приведенных случаях термин *слово* употреблен в значениях «самая речь», «способность говорить», «целый текст».

Слово в значении «отдельное понятие» (единица языка) встретилось лишь однажды: «...каждое понятие, каждое *слово*, каждая буква должны идти к сему концу (цели. — В.А.), иначе они будут введены без причины...» (цит. по [Аннушкин 2002: 227]).

Термин *речь* также встретился в значениях «целый текст», «способность говорить», но по частотности употребления явно уступает термину *слово*:

«...Чтоб целая *речь* в ушах просвещенных имела свое действие мало к сему бросить по места искры чувства и силы...»;

«Разделив предметы *речи* на несколько известных статей, они мнили тем оказать существенную услугу человеческому *слову*»;

«Прекраснейшая *речь* без движения делается мертвою...» (цит. по [Аннушкин 2002: 219, 226, 230]).

Термин *язык* встретился при описании правил произношения и телодвижения. Очевидно, что этот термин уже имел переносный смысл «знак, символ чего-либо», поэтому автор использует его при объяснении мимики и жестов:

«*Язык* лица всегда был признаваем вернейшим толкователем чувствий душевных».

Язык по-прежнему связывается прежде всего с характером произношения в устной речи:

«Язык твердый, выливающий каждое *слово*, не стремительный и не медленный, дающий каждому звуку должное ударение, есть часть, необходимо нужная для оратора» (цит. по [Аннушкин 2002: 230]).

Теоретическое обоснование отсутствовало в трудах М.М. Сперанского. Более четкое определение данных терминов обнаруживается в трудах начала XIX в., в частности в трудах профессора Московского университета **Алексея Федоровича Мерзлякова**. В самом начале его «Краткой риторики» (1809) представляется понимание интересующих нас терминов и перечисляются основные словесные науки:

«Под словом *речи* вообще разумеется всякое словесное выражение наших мыслей и чувствований, расположенное в некотором определенном *порядке* и *связи*. Порядок и связь отличают искусственную *речь* от *языка*. Под словом *языка*, в пространном смысле, понимать надобно все правила речи, составляющие теперь три особенные науки: *логику*, или *диалектику*, которая учит думать, рассуждать и выводить заключения *правильно, связно и основательно*; — *грамматику*, которая показывает значение, употребление и связь слов и речей, — и *риторику*, которая подает правила к последовательному и точному изложению мыслей, к изящному и пленительному расположению частей речи, сообразно с видами каждого особенного рода прозаических сочинений» (цит. по [Аннушкин 2002: 248]).

Итак, *речь* — словесное выражение наших мыслей и чувствований. Она названа «искусственной», т.е. предполагающей искусство составления, в отличие от языка, которым пользуют-

ся в устной речи и который не требует искусства. Но *язык* «в пространном смысле» объединяет все основные словесные науки (грамматику, риторику и логику).

Слову *речь* приписываются кроме общего значения словесного выражения мыслей значения отдельных видов и форм речи: публичных ораторских речей, когда начинается глава «Речи ораторские», и письменной речи, когда речь идет о «сочинении писем»:

«Слово *речь* в тесном смысле означает рассуждение, составленное по правилам искусства и назначенное к изустному произношению» (цит. по [Аннушкин 2002: 257]);

«Письмо есть не что иное как письменная речь одного лица к другому отсутствующему» [Там же: 253].

Таким образом, согласно А.Ф. Мерзлякову, существуют пространный смысл слова *речь* («словесное выражение наших мыслей») и узкий («тесный») смысл: устное ораторское «рассуждение» или «письменная речь».

Очевидно, что термин *речь* начинает приобретать значение научного термина, в то время как термин *слово* остается в прежней системе понятий. Термин *язык* в этом описании почти не задействован.

В дальнейшем описании применяем метод последовательного рассмотрения употребления отдельных терминов *слово*—*язык*—*речь* у разных авторов. В этом качестве были избраны следующие ученые-классики, создатели курсов риторики и словесности с 1813 по 1850 г.: Л.Г. Якоб, Н.И. Греч, Я.В. Толмачев, Н.Ф. Кошанский, А.И. Галич, И.И. Давыдов, В.Т. Плаксин, К.П. Зеленецкий. Поскольку каждый из перечисленных ученых является классиком русской филологии (и часто незаслуженно забытым), дадим краткую характеристику биографии и трудов каждого из этих ученых-русистов:

Людвиг Генрих Якоб (1759—1827), немецкий ученый, филолог, социолог, деятель Просвещения. Молодость его прошла в Галльском университете в Германии, где он стал профессором. В 1806 г. в связи с закрытием Университета читал лекции в только что открывшемся Харьковском университете, а затем переехал в Петербург. Деятельность Л. Якоба в Петербурге

ознаменована выходом энциклопедического «Курса философии для гимназий Российской империи (1811—1817) в 8 частях, одной из которых было «умозрение словесных наук».

Николай Иванович Греч (1787—1867) — русский писатель, журналист, издатель, филолог и педагог. Как филолог Н.И. Греч знаменит своими грамматическими трудами «Практическая русская грамматика», «Чтения о русском языке». Труды по теории и истории словесности — более ранние: «Учебная книга российской словесности» написана в 1819—1822 гг. Сочинения Греча оказали большое влияние на современников. Греч был блистательным педагогом и методистом, умевшим отбирать, систематизировать и описывать литературный и грамматический материал.

Яков Васильевич Толмачев (1779—1873) — профессор Санкт-Петербургского университета, теоретик словесности. В январе 1809 г. Толмачев был вызван в Санкт-Петербург и назначен преподавателем русского языка в семинарии, а затем — академии, помещавшейся в Александро-Невском монастыре. Перейдя на службу в Министерство народного просвещения (1814), Я.В. Толмачев впоследствии был назначен ординарным профессором Главного педагогического института, а по преобразовании в 1819 г. института в Петербургский университет сохранил за собой кафедру; в 1826 г. он был избран деканом историко-филологического факультета.

Николай Федорович Кошанский (1784 или 1785—1831) — филолог, педагог, литератор, переводчик. Учился одновременно с В.А. Жуковским в Московском университетском пансионе, окончил Московский университет в 1802 г. С 1811 по 1828 г. Н.Ф. Кошанский — профессор русской и латинской словесности Царскосельского лицея. Его лекцией «О преимуществах русского слова» открылись занятия в лицее. Наибольшую славу и влияние принесли ему, несомненно, педагогические труды — школьные учебники, по которым обучались многие поколения российских учащихся. Учебник латинской грамматики выдержал 11 изданий (СПб., 1811—1844), русской грамматики — 9 изданий (СПб., 1807—1843). Образцами учебной книги являются «реторики» Кошанского: «Общая ретори-

ка» (10 изданий: 1829—1849) и «Частная риторика» (7 изданий: 1832—1849).

Александр Иванович Галич (1783—1848) — преподаватель Императорского Царскосельского лицея, один из первых представителей философской кафедры в Петербургском университете. Галич был одним из самых любимых лицейских учителей, которому Пушкин и его друзья посвятили немало стихов. Его «Теория красноречия» (1830) представляет собой фундаментальный труд, несмотря на то что не пользовалась такой популярностью, как труды А.Ф. Мерзлякова или Н.Ф. Кошанского.

Иван Иванович Давыдов (1794—1863) — филолог, философ, логик, математик, деятель просвещения, заслуженный профессор русской словесности Московского университета (1831—1847), директор Главного педагогического института в Санкт-Петербурге (1847—1858). И.И. Давыдов необыкновенно плодovit как филолог-писатель: он создал два больших труда — «Грамматика русского языка» (СПб., 1849) и «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (СПб., 1852). Языковые воззрения ученого вполне проявились уже в его «Чтениях о словесности» в 4 частях (М., 1837—1838), представляющих собой запись лекций профессора, осуществленную его учениками.

Василий Тимофеевич Плаксин (1795—1869) — преподаватель и теоретик, писатель. Сын сельского священника, окончил рязанскую духовную семинарию в 1816 г., затем поступил в Главный педагогический институт в Санкт-Петербурге (1819 г.). В.Т. Плаксин известен рядом трудов по словесности: «Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям» (СПб., 1832), «Руководство к познанию истории литературы» (СПб., 1833). В 1843—1844 гг. вышли два тома его «Учебного курса словесности».

Константин Петрович Зеленецкий (1812—1857) — профессор Ришельевского лицея в Одессе, автор книг по риторике, теории словесности, общей филологии. Выпускник Ришельевского лицея, в 1833 г. он был отправлен за счет лицея в Московский университет, где через год выдержал экзамен на кандидата словесных наук, а спустя два года получил степень магистра.

Став профессором Одесского Ришельевского лицея, К.П. Зеленецкий сформировался в своеобразного, самостоятельно мыслящего ученого. Ко второй половине 40-х годов XIX в. относятся фундаментальные работы Зеленецкого, ставшие одновременно основными учебными руководствами для гимназий и университетов Российской империи: «Исследование о риторике...» (1846), «II. Частная риторика», «III. Пиитика» и «История русской литературы для учащихся» (1849). И.И. Давыдов, заняв пост директора Главного Педагогического института в Петербурге, создал в 1851 году 4-томный учебник «Теория словесности» для школ Российской империи, отредактировав руководства К.П. Зеленецкого, причем в 1-й части он соединил шесть глав «Общей риторики» Н.Ф. Кошанского и шесть глав «Риторики» К.П. Зеленецкого. Это был, видимо, первый в России опыт анонимного коллективного научного труда.

Анализ частотности употребления терминов *язык—речь—слово* (табл. 1) у каждого из названных авторов показывает следующую картину:

Таблица 1

Автор \ Термин	Слово	Язык	Речь
Л.Г. Якоб	16	10	7
Н.И. Греч	18	9	3
Я.В. Толмачев	10	0	8
Н.Ф. Кошанский	12	3	3
А.И. Галич	3	1	2
И.И. Давыдов	12	1	5
В.Т. Плаксин	5	0	9
К.П. Зеленецкий	8	2	11
Всего употреблений	84	26	48

Таким образом, очевидно, что наиболее употребительным в сочинениях данного периода был термин *слово* (84 употребления), который использовался в трех основных значениях: 1) дар слова, способность говорить и писать, полученная от Бога; 2) отдельное понятие, минимальная единица языка; 3) публичная речь. Вторым по частотности является термин *речь* (48 употреблений) в двух значениях: 1) реализация языка, распространенный текст; 2) публичная речь, монолог. Наименее употребительным оказался термин *язык* (28 употреблений), который отмечен в двух значениях: 1) дар речи, слова, способность говорить и писать; 2) наречие какого-либо народа.

Теперь рассмотрим более внимательно употребление каждого из терминов. Уже беглое прочтение начала каждого из учебников говорит о том, что обычно они начинаются рассуждениями о *слове* или той словесной способности, которой наградил Творец свое любимое создание — человека (здесь и далее цитаты русских классиков риторики приводятся по книге В.И. Аннушкина «История русской риторики» [М., 2002] с упоминанием имени автора и указанием страниц): «При употреблении **слова** мы имеем в виду или... нарочно обдуманное сообщение наших мыслей, либо действительное убеждение в какой-либо важной цели, или... прекраснейшее изложение мыслей [Якоб: 263];

Человек, употребляя дар **слова**, может иметь одну из следующих целей: 1) сообщать другим свои мысли, 2) управлять их волею или деяниями и 3) действовать на их чувство и воображение [Греч: 271];

Одно из существенных отличий человека есть дар **слова**... Гордиться **словом** — сим отличием, одному разумному существу дарованным природою, употреблять сей дар в течение всей своей жизни орудием душевных действий, но не знать ни свойств оногo, ни совершенств, ни недостатков есть весьма предосудительно... Круг **слова** объемлет своею обширностию все познания человеческие [Толмачев: 288];

Человек помощью **слова** объясняет другим внутренние действия души своей: Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума* и *дар слова* [Кошанский: 300];

План первой лекции-“чтения”: Необходимость дара **слова** для развития ума и его совершенствования. Врожденное стремление человека к раскрытию идеи изящного в **слове**... **Слово** составляет важнейшее орудие, посредством которого человек содействует счастью ближнего. Успехи мышления зависят от выражения и сообщения мысли в **слове** [Давыдов 1837—43: 344];

Дар **слова**, будучи выражением внутренних движений души и связию общежития, составляет почти единственное средство нравственного и умственного усовершенствования человечества, ибо посредством **слова** мудрец сообщает нам свои глубокие размышления; в **слове** доходят до нас действия и знания веков минувших, и **слово** сохранит нашу жизнь, усилия наших умов в памяти позднейшего потомства... Дар **слова**, разливая просвещение, умудряет человека и, облагораживая чувствования, образует его [Плаксин 1843: 358];

Название главы 3: Наука о **слове**, а с нею и риторика, в своих основаниях и общих отношениях к логике... [Зеленецкий: 375];

Число частей науки о **слове** определяется числом самостоятельных форм сего последнего. ...риторику будем мы рассматривать... как часть науки о **слове**... Необходимые формы **слова** суть: *речение, предложение, период и речь*... Из частей **науки о слове** *лексикология* объемлет собою значение, образование и свойства речений; *грамматика* — значение, состав и изменения предложений; *синтаксис* — периоды, в их значении, составе, разделении; наконец, *риторика* имеет предметом своим речь [Зеленецкий: 375]».

Как видим, подавляющее большинство авторов употребляют термин *слово* в значении «дар слова», наделяя рассуждение о нем высоким смыслом обладания инструментами, способствующими и «счастью ближнего», и благоустройству общества. Кульминацией этого периода стала теория К.П. Зеленецкого, высказавшего мысль о создании «**Науки о Слове**», которая включала бы весь состав филологических дисциплин.

Конечно, термин *слово* имел и наиболее популярное в сегодняшнем бытовом и научном употреблении значение минималь-

ной единицы языка или отдельного понятия. Данное значение заменило прежний, устаревший термин *речение*, который был в употреблении у М.В. Ломоносова; впрочем, К.П. Зеленецкий, предложивший создание науки о *слове*, видимо, в целях избежания тавтологии употреблял также термин *речение* в значении отдельного понятия.

Как правило, данные контексты встречаются не в начале учебников, а в середине, когда авторы рассуждают о создании целой речи:

«**Слова** назначены для выговора. Первая красота состоит в том, чтоб они произносились легко и без всякого принуждения.

И для того *легкие, плавные слова* и речения эстетически совершеннее, нежели тяжелые» [Якоб: 263];

«**Слова** получают свою полную силу и значение от голоса» [Якоб: 267];

«Русские же **слова** превосходнее иностранных своим благородством и важностию (напр. *полководец* вм. *генерал*)» [Греч: 277];

«Грамматика занимается только **словами**; реторика преимущественно мыслями; поэзия преимущественно чувствованиями» [Кошанский: 301];

«*Предметом сочинения* называют одно понятие, идею, одно **слово**» [Кошанский: 303];

«Составные части всякой речи суть **слова**» [Галич: 323];

«...можно переводить **слово** в **слово**, хотя и переставлять **слова** в том порядке, который наиболее свойственен течению речи того языка, на который переводим» [Зеленецкий: 387].

У Я.В. Толмачева, И.И. Давыдова и В.Т. Плаксина термин в данном значении не встретился.

Термин *слово* встречается также в значении «жанр публичного слова, устный монолог», например, Л. Якоб при описании изустных речей называет такие жанры, как: «ученое слово, всенародное (простое) слово». В то же время в этом значении едва ли не чаще употребляется слово *речь*. Так, при описании ораторства как «искусства даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других» Н.Ф. Кошанский приводит классификацию «ораторской речи» [Кошанский: 316].

Термин *речь* имеет следующие определения в трудах ученых-словесников первой половины XIX в.:

«**Речь** есть собеседование одного лица с другим о чем-либо третьем. ...**Речь** можно назвать выражением внутренних совершенств говорящего или пишущего, отголоском его ума и сердца» [Толмачев: 293];

«Риторика должна научить, каким образом можем мы сообщать **речам** нашим возможную красоту... **Речь** подразделяется на прозу и стихи. Последние суть **слова**, правильно расположенные по стопосложению; проза есть **речь** без стихов... Прозаические **речи** имеют целию...» [Якоб: 268].

Данные определения говорят о речи как общей способности говорить и писать, а также представляют речь как распространение текста. Речь здесь — инструмент общения людей друг с другом.

Следующее значение термина *речь* — публичное, ораторское выступление как один из жанров словесности:

«Содержание ораторства — ораторская речь, в которой предлагаются похвалы... или обвинения и оправдания» [Кошанский: 316];

«Древние подразделяли речи на три рода: на повествовательный, совещательный и судебный» [Давыдов: 349].

Термин *язык* безусловно присутствует в трудах по словесности и риторике, хотя он более характерен для трудов по зарождающейся теории языковедения или языкознания. Так, выдающийся ученый-филолог А.Х. Востоков написал «Рассуждение о славянском языке», в котором приготавливал читателей к «грамматике сего языка». Ученый писал о «славянском и в особенности церковном языке», утверждая, что «язык, на который были предложены священные книги, не мог быть коренным или первобытным языком всего народа славянского...» [Востоков 1856: 48]. В данном случае, язык изучался уже как совокупность средств выражения, которыми пользуется какой-либо народ.

В исследуемых учебниках словесности и риторики термин *язык* встречается в выражениях, где он синонимичен термину *слово*, обозначая «дар, способность говорить и писать, полученную от Бога»:

«Язык, или дар слова, есть дар свыше, которым Творец отличил любимое создание свое от всех бессловесных...

Язык, сей чудесный дар Неба, соединяясь... с божественным даром разума, создал людей в общества, основал грады, составил науки и служит орудием чистейших... наслаждений ума и сердца» [Кошанский: 316].

Впрочем, у термина *язык* в пушкинское время имеется собственное, оригинальное значение, еще не отошедшее от первоначального смысла отношения к устной речи, которая создается языком как органом артикуляции. Так, в учебнике Н.Ф. Кошанского термины **язык** и **литература** разделены не на современных основаниях (первый относится к науке о системе языка, второй — к художественной литературе), а на основании отнесения к разным формам речи (устная / письменная) и родам речи (словесности). Н.Ф. Кошанский пишет:

«В наше время язык и литература заключают два разные понятия. *Язык* — значит ныне **изустное** употребление дара слова или хотя и письменное, но писанное для удовлетворения *первой нужды* человека сообщать мысли и чувствования другому.

Область языка ограничивают ныне знанием *грамоты* и, может быть, *грамматики* и употреблением *безыскусственной прозы* — первым, необходимым образованием человека.

Литература — значит *ныне* произведения языка, утвержденные *письменами* и, может быть *печатанием*, как для современников, так и для потомства; и притом произведения, удовлетворяющие *второй потребности* человека — просвещению ума, наслаждению вкуса.

Литература обнимает все словесные науки с их произведением и писателей с отличительными их достоинствами» [Кошанский: 307–308].

Итак, *язык* — первичный дар свыше, который должен развиваться в *литературу*. С помощью *языка* создается первичный вид словесности — устная речь («изустное употребление дара слова»), а *литература* начинается там, где вступает в дело письменная речь — литеры, или письмена, но самое главное: *литература* имеет отношение к культуре, потому что она

включает только те произведения письменной и более печатной речи, которые обладают «достоинствами». Обратим внимание на то, что *литературой* охватываются все словесные науки, а значит, в нее входят и догматика, и наука, и документальная проза, и ораторская проза, а не только художественная литература.

Отголоском такого понимания термина *язык* представляется его употребление и у другого учителя А.С. Пушкина — Александра Ивановича Галича, который писал об «ораторском языке». Глава так и названа: «Об ораторском языке или выражении» [Аннушкин 2002: 92]. Из нее следует, что и «общие свойства ораторского языка» возможны только вследствие того, что оратор пользуется «изустной речью», которая создается с помощью орудия устной речи — «языка».

Выражения «литературный язык» не существует в данный период истории русской филологии. Поэтому, когда тот же А.И. Галич писал о литературе, он употреблял только словосочетание «литературное произведение», либо же писал о слоге и стиле, поскольку письменное произведение создается с помощью «литер».

Закончим данный анализ рассуждением о термине *речь*, который приобрел в трудах К.П. Зеленецкого новый, необычный, смысл, и если бы эти новые значения утвердились, то, видимо, русская филология пошла бы по иному пути. В 1848 году К.П. Зеленецкий предлагал в «Общей риторике» построить новую науку о Слове, которая включала бы не только разбор построения речи на логосической основе при отказе от погрешностей критикуемой в его время риторики, но и новую систему наук как систему филологического знания.

Вот последовательность его рассуждений:

«Предмет риторики составляет вообще речь. Речь есть полное, устное или письменное, прозаическое или стихотворное, выражение наших мыслей» [Зеленецкий 1849: 1]. В составе каждой речи К.П. Зеленецкий находит три стороны:

«Первую, внутреннюю сторону речи составляют законы мышления, которые утверждают логическую основу каждой речи. Они будут изложены нами в первом отделении общей ри-

торики, в учении о логических основаниях мышления. Здесь рассмотрим мы главнейшие законы, формы и действия мысли нашей и укажем на формы ее словесного выражения. Заметим, что полное учение о законах, формах и действиях мышления излагается в науке, называемой логикой». Как видим, связь мысли и ее словесного выражения как раз и составляет сущность Логоса, так что К.П. Зеленецкий творит вполне в соответствии с традицией. Характерно, что он исключает из риторики учение об изобретении мыслей как способах создания содержания речи. Однако им сохранен «логосический» принцип рождения речи-слова.

Вторую, «внешнюю сторону каждой речи» — ее «состав и построение», предполагалось изложить «в учении о **реторическом образовании речи**. Здесь покажем мы, во-первых, условия, по которым речь строится и которые прямо зависят от законов мышления, рассматриваемых в первой части, а во-вторых, различный состав речи» [Там же: 23]. Как видно из содержания учебника, здесь имеется в виду разносторонний анализ способов построения всех возможных видов и жанров словесности того времени.

Наконец, третья сторона речи обращает нас к термину *язык*: «В каждой речи находим мы **условия языка**, на котором она излагается. Условия эти могут быть названы лингвистическими и предполагают ближайшее ознакомление со словарем языка и духом его грамматики. Мы изложим их в приложении к языку русскому. Потому третье отделение нашей Общей Риторики составят лингвистические условия речи в приложении к языку русскому. Здесь сперва будем мы говорить об отношении языка русского к церковнославянскому, затем рассмотрим лексическую сторону языка нашего и его главнейшие особенности и, наконец, в главе о грамматической его чистоте покажем погрешности, которые от небрежности или незнания вкрадываются в него и вредят этой чистоте» (цит. по [Аннушкин 2002: 378–379]). Как видим, условия языка касаются прежде всего, употребляя современную терминологию, национально-стилистической или культурно-речевой стороны речи: ее чистоты, погрешностей

и небрежностей. Не сталкиваемся ли мы здесь вновь с «прикладной», заниженной функцией или толкованием *языка*, который в отличие от «искусственной» *речи* и *литературы* (уж они-то имеют отношение и к искусству и к сохраняемой культуре!) еще не возвысился до того, чтобы иметь культурное значение?

Наиболее интересна система наук, которую выстроил К.П. Зеленецкий в соответствии со своей концепцией «новой» Науки о Слове. Она отличается от «словесных наук» переходным характером к новому языкознанию второй половины XIX в.

Риторика — часть общей науки о Слове. «Риторика всегда предметом своим имела расположение и выражение мыслей, именно с целью их письменного изложения. Следовательно, речь, как полное выражение мысли со всех ее сторон, составляла постоянный, исконный предмет нашей науки».

«Сколько же форм представляет нам собою **слово человеческое**? ...Необходимые формы слова суть: *речение*, *предложение*, *период* и *речь*, сия последняя — в смысле полного, устного или письменного изложения. Само собою разумеется, что сии формы находятся в органической зависимости между собою и составляют одно здание **науки о слове**. Таким образом, из частей сей последней *лексикология* объемлет собою значение, образование и свойства речений; *грамматика* — значение, состав и изменения предложений; *синтаксис* — периоды, в их значении, составе, разделении и проч.; наконец, *реторика* имеет предметом своим речь в ее грамматическом построении предложений, в логическом расположении ее частей, словом в ее образовании и составе и, наконец, в ее особых чисто-реторических условиях и свойствах» [Там же: 375—376].

Для современного филологического сознания очевидна алогичность или «бессмысленность» приведенных определений: «речь», согласно К.П. Зеленецкому, является «формой слова» и такими же «формами» являются и период, и предложение, и «речение» как отдельное понятие.

Схематически данное построение записывается следующим образом:

Как видим, построения К.П. Зеленецкого сделаны вполне в русле логосической философии, которой придерживался всякий традиционно мыслящий ученый того времени. К середине XIX столетия эти представления уже брались под сомнение не только новой либерально-демократической критикой, но и новым надвигавшимся учением о языке — языковедением, содержание которого обращалось к живым языкам, в сопоставлении с филологией, занимавшейся (это видно даже по цитированному определению В.И. Даля) языками мертвыми.

Эти построения необычны для современного языковеда, но в них видны многие корни современных теорий языка и речи. Особенно ценным в этих текстах представляется благоговейное отношение к языку — речи — слову, осознание роли «отечественного слова для благосостояния государства».

Подведем итоги:

1. М.В. Ломоносов намечает существование некоей **философии слова**, основные правила которой изложены в грамматике. Грамматика является основой для последующих употреблений языка в «слове» и «речи», при этом **слово** может пониматься и в широком смысле — как «обширное поле» словесной деятельности человека.

2. Термин *слово* у М.В. Ломоносова имеет следующие значения: это и словесный дар, свойственный человеку, и речь, и

вся совокупность словесных произведений, и сама творческая способность человека мыслить и выражать мысль в речи. «Неразделимая часть **слова**», т.е. речи, — это звук и ее начертание — буква, «склад» — это современный *слог*, «речение» — это современное *слово* как отдельное понятие, минимальная единица языка. Современные части речи названы у М.В. Ломоносова «знаменательными частями слова».

3. В Словаре Академии Российской 1789—1793 гг. термин *язык* получает описание как «наречие» какого-либо народа, однако здесь отсутствует даже намек на понимание термина *язык* в значении системы или структуры. Употребление «слов и образа речи» говорит о понимании *языка* как средства общения, коммуникации.

4. Синонимика терминов *речь* и *слово*, присутствующая в современном языке, отмечена уже в Словаре Академии Российской. «Речь» определяется в 1-м значении как «слово». Авторам трудно выйти за пределы синонимии этих терминов: *речь* — «собрание многих слов, выражающих какой-либо смысл», а *слово* — «собрание речений, заключающих какой-либо смысл». Термины *речь* и *слово* описаны синонимично и в значении жанра публичного монолога: *слово* — «речь, проповедь, беседа, изустно предлагаемая», а *речь* — «рассуждение изустно пред кем предлагаемое или сочиненное».

5. В Словаре В.И. Даля изучаемые термины получили разнообразное развитие, опирающееся на предыдущий культурный опыт. Здесь *язык* определяется и как «словесная речь», и как «совокупность всех слов народа и верное их сочетанье для передачи мыслей», и как «способность говорить», и как «связь слов, образ, способ выраженья», и как «строй, слог и самый выбор слов».

6. В Словаре В.И. Даля обнаруживается много схожих значений данных терминов, приведенных в разных статьях. Так, термины *язык* и *слово* имеют такие общие определения: «словесная речь», «способность» (говорить или выражать мысли и чувства); общее у терминов *язык* и *речь*: «способ выраженья»; а у терминов *слово* и *речь*: «разговор, беседа», «проповедь», т.е. жанр устной монологической речи (*слово или речь о чем-либо*).

7. Анализ употребления терминов *язык—речь—слово* с конца XVIII по середину XIX в., проведенный посредством их сопоставительного описания в трудах ученых-филологов, а затем рассмотрения каждого термина в отдельности, показывает, что в грамматиках и трудах нарождающегося языкознания, конечно, первичным был термин *язык*, но в основных филологических работах, описывавших словесные науки и «словесные произведения», основным оставался термин *слово*.

8. Термин *слово* — наиболее частотен (он учтен в 84 употреблениях). Три основные значения данного термина: 1) дар слова, способность говорить и писать, полученная от Бога (обычно описывается в начале каждого учебника); 2) отдельное понятие, минимальная единица языка; 3) публичная речь. Вторым по частотности явился термин *речь* (48 употреблений) в двух значениях: 1) реализация языка, распространенный текст; 2) публичная речь, монолог. Наименее употребителен термин *язык* (28 употреблений), который использовался в двух значениях: 1) дар речи, слова, способность говорить и писать; 2) наречие какого-либо народа.

9. Термин *речь* понимается как собеседование одного лица с другим, способ выражения «ума и сердца». *Речь* подразделяется на прозу и стихи. Данные определения говорят о речи как общей способности говорить и писать, а также представляют речь как распространение текста. Речь здесь — инструмент общения людей друг с другом. Речь — также публичное, ораторское выступление.

10. Хотя *язык* и встречается в значении «дар, способность говорить и писать, полученная от Бога», тем не менее *язык* понимается лишь как **изустное** употребление дара слова, который дальше должен развиваться в литературу. Выражение «литературный язык» невозможно в данный период русской филологии.

Вопросы для обсуждения

1. Какие значения имеет термин *слово* в концепции М.В. Ломоносова?
2. Каковы расхождения в словесно-грамматической терминологии ломоносовской эпохи и нашего времени?

3. Как определяются значения терминов *язык—речь—слово* в Словаре Академии Российской? В чем они совпадают и в чем расходятся?
4. Как проявляется синонимика терминов *слово* и *речение*? Как вы думаете, когда произошла окончательная «победа» *слова* над *речением*, т.е. термин *речение* стал рассматриваться как устаревший?
5. Как объяснены термины *язык—речь—слово* у В.И. Даля? В каком случае он стоит на позициях старинных «словесных наук», а где становится сторонником нарождающегося «языковедения»?
6. Какое развитие получили термины *язык—речь—слово* в первой половине XIX в. и как эта эволюция соотносится с творческими новациями русских ученых-словесников в развитии «словесных наук» и «науки о слове»?
7. Какова классификация предложенных К.П. Зеленецким «наук о слове»?

Лекция 4

СЛОВЕСНОСТЬ И ИСТОРИЯ СЛОВЕСНЫХ НАУК В РОССИИ

§ 1. Словесность как дар, наука и искусство

Термин *словесность* имеет четыре значения:

1. Совокупность словесных произведений (текстов) русской речевой культуры.

2. Дар слова, способность человека выражать свои мысли и чувства в слове.

3. Искусство слова, словесное творчество.

4. Наука о Слове, или совокупность «словесных наук», аналог филологии.

Впервые термин *словесность* обнаруживается в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг., где он означает «знание, касающееся до словесных наук» и «способность говорить, выражать» [Словарь Академии Российской 2004: V, 536]. Любопытно, что здесь это еще не наука, однако именно определения Словаря свидетельствуют о возникновении предпосылок для рождения и утверждения *словесности* как одного из ведущих терминов русской филологической науки. В дальнейшем авторы первой половины XIX в. осмысливают словесность не только как «способность выражать мысли словами» (А.С. Никольский), но прежде всего как совокупность наук. А.С. Никольский в «Основаниях словесности» (1807) пишет, что *словесность* образует две науки: *грамматику*, обучающую «правильному употреблению слов», и *риторику*, показывающую «способ, как

располагать и изъяснять мысли». Л.К. Якоб называет словесностью «умозрение словесных наук» (учебники словесности цитируем по [Аннушкин 2002: 233, 263]).

Научное формирование предмета словесности связано с реорганизацией филологического образования в России начала XIX столетия, когда русская словесность приобрела черты стройной последовательной теории в учебниках Я.В. Толмачева, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, В.В. Плаксина, К.П. Зеленецкого и некоторых других. В начале этого периода словесность понимается только как «природная способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом» [Толмачев 1825: 3] или как «дар слова, которым Творец наградил свое любимое создание — человека» [Кошанский 1829: 1]. Затем понимание словесности расширяется до совокупности всех текстов речевой культуры, поэтому в русских частных риториках существует тенденция к описанию и классификации всех существующих родов, видов и жанров словесности.

В сочинениях Н.Ф. Кошанского еще сохраняется термин «словесные науки», куда входят грамматика, риторика и поэтика, но уже И.И. Давыдов в «Чтениях о словесности» (1837—1843) выстраивает достаточно сложную классификацию, выделив три группы понятий:

I. Словесность как наука («постижение законов изящного в слове») и как искусство («творчество, или произведение творчества, выражающее идею изящного»).

II. Словесность как наука имеет свою философию («творящий дух в его производимости»), историю («явления изящного в творческих созданиях словесных»), критику («способность наблюдать степень приближения образцовых словесных творений к своим идеалам, развитие и облагородствование чувства изящного»).

III. К науке относится объективная словесность, которая включает 3 больших раздела: 1) теория языка; 2) теория изящной речи; 3) теория слога (цит. по [Аннушкин 2002: 338—347]).

В современной филологической литературе термин *словесность* восстановлен, но содержание его размыто, он употребляется и исследуется довольно редко. Наиболее обстоятельно и

обоснованно использует его Ю.В. Рождественский, не только возрождая его из исторического небытия, но и придавая ему конкретный научно-терминологический смысл. В соответствии с русской филологической традицией Ю.В. Рождественский пытается выстроить наиболее полную классификацию родов и видов словесности, приспособлявая ее к современному информационному обществу: 1) устная словесность: а) дописьменная (диалог, молва, фольклор); б) литературная (ораторика, гомилетика, сценическая речь); 2) письменная словесность (сфрагистика, эпиграфика, нумизматика, палеография, включающая: письма, документы, сочинения); 3) печатная словесность, или литература (научная, художественная, журнальная); 4) массовая коммуникация (массовая информация в виде радио, телевидения, прессы, кино; реклама и информатика) [Рождественский 1996: 23].

Содержание современного термина *словесность* и перспективы *словесности* как научной и педагогической дисциплины суммируются следующими положениями:

1. Словесность этимологически определяется как способность человека выражать свои мысли и чувства в слове. Поэтому в классических русских учебниках словесность объяснялась как природный дар, которым человек отличен от других одушевленных созданий. Владение словом показывает в человеке божественное начало, отражая в нем образ Божий.

2. Словесность — это совокупность словесных произведений. Можно говорить о словесности какого-либо народа, например, русской словесности. Рассмотрение всей совокупности произведений словесности невозможно, поэтому филологи ставят вопросы о классификации и отборе наиболее ценных и культурно значимых текстов.

3. Словесность изучается и осмысливается как искусство создания словесных произведений. Словесность как искусство речи предполагает постижение законов словесного творчества и обучение правилам, приемам создания словесных произведений.

4. Классический термин *словесность* для русских ученых первой половины XIX века был аналогом термина *филология*,

поскольку само слово имело логосическую, мироустраивающую функцию. Поэтому словесность и определялась либо как совокупность «словесных наук», либо как «наука о Слове».

5. Современная словесность как наука занимается прежде всего изучением существующих словесных произведений. Задача современной теории словесности — классификация и изучение специфики родов, видов и жанров словесности, отбор и изучение образцов словесного творчества. Теория словесности должна восстановить в правах такие незаслуженно забытые для изучения и обучения виды словесности, как ораторика (публичная речь), деловая проза, письма, показать современному учащемуся разницу между художественной и научной литературой, выяснить специфику и роль средств массовой информации, наконец, оптимально представить современную разговорно-бытовую речь и правила этикета.

6. Подлежат изучению разные роды и виды словесности: 1) художественная, изящная словесность, приравненная ныне к литературе (хотя ни словесность, ни литература не ограничиваются художественными текстами); 2) устная словесность, включающая не только фольклорные произведения, но и бытовые и ораторские формы речи; 3) научная словесность, объемлющая произведения научной речи (кстати, почти нетронутая проблема — существование устной научной словесности в научных диалогах, построении научных докладов, конференций и т.д.); 4) деловая словесность, словесность средств массовой информации и т.д. — по родам и видам словесности (сколь бы необычно это ни звучало для современного пользователя); 5) возможно говорить и о многочисленных видах профессиональной словесности (так, мы говорим о церковной словесности, политической, юридической, дипломатической словесности и т.д. — каждый из этих «профессиональных» видов речи заслуживает изучения на стыке филологии и соответствующей науки).

7. Предмет «словесность», в сущности, имеет большее право, чем «литература», на то, чтобы быть изучаемым в вузе и школе. Тенденция к этому ясно обнаруживается во введении в учебный процесс различных курсов информатики, связей с

общественностью, теории и практики коммуникации, которые отражают усложнившуюся структуру общества массовой коммуникации. Не отрицая значения художественной словесности, необходимо обратить учащихся ко всему богатству речевой действительности (ср. требование Ю.В. Рождественского к современному риториче-скому «владеть всеми видами слова» [Рождественский 2004: 3]). Построение основ современной школьной теории словесности — задача искусного методиста и авторов будущих учебников теории словесности. При этом создатели профессиональных учебников словесности естественно должны давать вначале общие основы и правила словесности, а затем переходить к частным правилам и особенностям создания того вида профессиональной словесности, к которой имеют отношение данные учащиеся (политологи, предприниматели, юристы, педагоги, военные и т.д.).

8. Должен быть кардинально пересмотрен курс *истории русской словесности*, который необходимо восстанавливать и расширять, предусматривая изучение не только «понятной и занимательной» беллетристики, но и Священного Писания как главного культурообразующего текста, жанров письменности, в том числе деловой, учебной и научной литературы, ораторской прозы и т.д. Здесь встанут две проблемы: 1) корректность отбора культурно значимых текстов и 2) подготовка преподавателя-словесника (особенно школьного), знающего и способного комментировать этот состав текстов.

9. В настоящее время в вузах и школах изучается курс истории русской литературы, но, строго говоря, необходимо было бы изучать историю русской словесности, понимая под ней не только художественную литературу (облегченную для понимания «беллетристику»), но все богатство словесной действительности того или иного исторического времени. Пока эта действительность предстает в эстетической или художественной упаковке, а необходимо представить ее во всем разнообразии форм и жанров речи. Такова, на наш взгляд, должна быть реформа в отборе материала для преподавания словесности XVII—XVIII вв., где сохранился состав авторов, изучавшихся в дореволюционной гимназии, но отсутствуют некоторые важ-

ные культуuroбразующие тексты, значительно более понятные и выразительные для восприятия учащихся.

Восстанавливаемый термин *словесность* не вступает в противоречие с традиционной филологической терминологией. В начале XIX в. было принято говорить о «словесных науках» и «филологии» как синонимах, в настоящее время «словесность» продолжает оставаться одним из основных понятий филологии. При всей близости словесности к таким наукам о речи, как риторика и стилистика, словесность более относится к изучению текстов словесных произведений, их классификации и отбору, а риторика — к построению оптимальной, эффективной речи.

§ 2. К истории словесных наук в России

Развитие словесных наук в России представим фрагментарно, сделав упор на Словаре Академии Российской, ибо именно в нем, по нашим наблюдениям, впервые употреблено и дано научное основание термину *словесность*, а также систематизированы знания по *словесным наукам*. Данный фрагмент представляется чрезвычайно важным, поскольку показывает часть возможного курса истории русской филологии как научной дисциплины и учебного предмета.

Создание Словаря Академии Российской отмечено замечательным пониманием роли и значения языка для народной жизни. Оценивая действия императрицы Екатерины Великой при организации Академии Российской, А. Красовский пишет о том, что «славная своим царствованием самодержица... признавала отечественное слово его (народа. — В.А.) необходимым условием, ближайшим и вернейшим орудием распространения нужных и благодетельных для россиян познаний» [Красовский 1848: 14]. Язык рассматривается как условие существования народа, будучи поставлен в центр внимания общества и ученого сословия. Отечественное слово становится инструментом познания и источником общественного благоденствия.

Понимание *словесных наук* и их *состава* значительно отличается от современных толкований и кроме того имеет ярко вы-

раженный национальный характер. В «Записке» Е.Р. Дашковой относительно плана деятельности Российской Академии наметены «сочинение Грамматики, Российского Словаря, Риторики и правил Стихотворения». Если «главнейший долг», как сказано в Предисловии, — «сочинение словаря», то три другие цели как раз и составляют «словесные науки»: грамматику, риторику и стихотворение (последнее слово надо прочитывать этимологически, т.е. «стихотворение» — наука о творении или правилах сочинения стихов). Словарь, конечно, не входил в словесные науки, но являлся основой для описания языка и выявления его качеств, которые будут неоднократно проговорены в различных контекстах: «обилия, красоты, важности и силы» [Словарь Академии Российской 2004: V].

Понятие «словесные науки» первым ввел М.В. Ломоносов в названии к «Краткому руководству к красноречию» (1747), где сказано о сочинении «в пользу любящих словесные науки» [Ломоносов 1952: 89]. До М.В. Ломоносова терминологическое сочетание «словесные науки» не встречается.

Небезынтересен не только состав «наук», но и история слова «наука». Первое русское сочинение, обобщающее состав наук вообще и филологических в частности — «Сказание о семи свободных мудростех» — написано в период после Смутного времени до 1620 г. и включает тривиум филологических «мудростей»: грамматику, диалектику и риторику. Основным именованием науки здесь служит слово «мудрость», но уже «первая мудрость Грамматика» называет себя в самопредставлении (по образцу представления Мудрости из Притчей Соломоновых) «честной наукой» [Спафарий 1978: 141]. В расширенной переделке «Сказания» Николаем Спафарием основное слово для обозначения науки уже другое — «художество», и само сочинение называется «Сказание о девяти мусах и о семи свободных художествах» (1672). О риторике же сказано: «Риторика есть *художество*, яже учит слово украшати и увещевати» [Там же: 31].

Очевидно, что речь идет о «свободных науках» (*ars liberalis*), но нигде эти науки не называются «словесными». В обозначении самого понятия *наука* конкурируют слова *мудрость*, *худо-*

жество, учение, наука. Ср. у Мелетия Смотрицкого: «Что есть грамматика? Есть известное *художество* благоглаголати и писати учащее» [Смотрицкий 1979: 4].

В первой русской «Риторике» 1620 г. отсутствуют два первых слова — *мудрость* и *художество*, но неизвестный автор-переводчик постоянно пользуется и в переводе и в собственных добавлениях словом «наука»: «...сию же *науку* сладкогласием или краснословием нарицает, понеже красовито и удобно глаголати и писати научает... паки же латинстии мудрецы риторик у сию *науку* нарекли... Та же *наука* от Димоньтена, сииречь хитроречиваго, и от Маркуса Талиуша Кикерона... И того ради сию *науку* никто от философов не преминавал...» [Аннушкин 1999: 21].

Как показали исследования риторических источников творчества М.В. Ломоносова, основатель русской науки знал именно первую «Риторику» 1620 г., а из риториков петровского времени — прежде всего «Риторику» Михаила Усачева (1699), к тексту которой восходят основные определения риторики и способов приобретения красноречия, предложенные великим ученым [Аннушкин 1999: 32—44]. Именно у Усачева «риторика есть *наука* добре, красно и о всяких вещех прилично глаголати». Ср. у других авторов: «...риторика есть *художество* добре глаголати» (Стефан Яворский); «...*хитрость* добре глаголати» (старообрядческая «Риторика в 5 беседах») [Аннушкин 1999: 74, 95, 119].

Состав словесных наук до М.В. Ломоносова в сущности не определен — в него могут входить и грамматика, и риторика, и логика, и пиитика (стихотворство). Кроме того, существует богатая синонимика в назывании этих наук, свидетельствующая о борьбе за утверждение своего смысла, ср. многочисленные синонимы термина риторика: ветийство (через «ять»), элоквенция, красноречие, доброречие, благоглаголание и мн. др.

Словесные науки в Академии Российской отражены как в самом Словаре, так и названы в ряде сопутствующих текстов. В Словаре они определены как «науки, касающиеся до свойства и чистоты языка какого, в коих заключаются *грамматика, ветийство* и *стихотворство*» (V, 536). Те же науки изображены и

описаны на серебряном жетоне-«дарике», который раздавался каждому члену Академии по окончании еженедельного заседания: «На обороте жетона изображен также в круге земной шар; на нем представлены: *Неусыпность* в трудах и бдящая под оными мудрость Афины греков, или Минервы в виде ночной птицы; в середине шара — *Грамматика*, открывающая разумение языка и общих познаний, под видом ключа; с одной стороны шара — *Витийство* под знаком Меркуриева жезла, с другой — *Стихотворство* в изображении Аполлоновой лиры. Сии три Словесные Науки, составляющие главные предметы занятий Академии, имеют целью и основанием своим просвещение ума, изображенное книгою, положенною под шаром на заветном четырехугольном ковчеге, с начертанием дня основания Академии: *Октября 21, 1783 г.*» [Красовский 1848: 23—24].

Каждое из обсуждаемых понятий заслуживает внимательного рассмотрения в контекстах наиболее авторитетных суждений, высказанных как виднейшими филологами-словесниками XVIII в., так и зафиксированными в Словаре Академии Российской. Очевидно, что словесные науки — это науки, которые позднее назовут филологическими, однако следует отметить, что слово *филология* вообще не встречается у М.В. Ломоносова, но оригинально обсуждается у В.К. Тредиаковского. После того как академик Миллер подверг критике рукопись «Краткого руководства к риторике» М.В. Ломоносова (1744) с рекомендацией написать такое же руководство по-латыни, 12 августа 1745 г. в Петербургской академии наук В.К. Тредиаковским было произнесено «Слово о витийстве». Он не только выполнил рекомендацию Миллера о толковании риторики как на латинском, так и на русском языке, но и дал истолкование *филологии*: «...полуденного солнца яснее, что вся вообще *филология*... самую вещь есть токмо что *элоквенция*» (цит. по [Аннушкин 2002: 171]).

У В.К. Тредиаковского, создающего свое «Слово о витийстве» в параллельном переводе, основное слово — *элоквенция*: «Элоквенция общества управляет, умножает, утверждает». «Царица Элоквенция» повсюду сияет и объединяет все науки и знания, ибо все они «токмо чрез элоквенцию говорят». Слово

«витийство» встречается у В.К. Тредиаковского, скорее, лишь как синоним слову *элоквенция*, служа средством синонимически разнообразить текст: «Толь изобильно вещами, или, лучше, неистоощаемо есть *витийство*, что куда зрение мое ни обращаю, везде оно токмо царствующее вижу. Да представлятся в мысль самые человеческие общества, которых человеческому роду нет ничего полезнее, какой крепче другой союз найдется обществ, кроме той же самой *элоквенции*?»

Именно к этому времени относится утверждение в русской науке и литературном языке слова *красноречие*. До В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова оно употребляется достаточно редко — гораздо чаще встречаются *краснословие* и *красноглаголение* (по нашим данным, впервые критически осмысленное *красноречие* встречается у протопопа Аввакума в начале «Жития»: «...не обык речь красити, понеже не словес красных Бог слушает... того ради и я не брегу о красноречии»). Если у В.К. Тредиаковского может встретиться лишь «премудрость красноречия», то именно М.В. Ломоносов дает этому слову ясное терминологическое значение.

Настойчивое размышление М.В. Ломоносова над сущностью новой терминологии словесных наук проявилось уже в названиях курсов: 1744 г. — «Краткое руководство к *риторике* на пользу любителей *слаждоречия*» (выделено нами. — В.А.): 1747 г. — «Краткое руководство к *красноречию*. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила *обоего красноречия*, то есть *оратории* и *поэзии*, сочиненная в пользу любящих *словесные науки*» [Ломоносов 1952: 19, 89].

Выбор подходящего слова из бесконечного ряда существовавших синонимов — «благоречие», «добрословие», «хитроязычие», «слаждоречие» и т.д. (их насчитывается не менее двадцати) — происходит именно здесь. Ломоносов останавливается на слове «красноречие» и, несомненно, сознательно редактирует во 2-м варианте определения § 1 — ср.: 1744 г. — «*Риторика есть наука* о всякой предложенной материи красно говорить и писать...»; 1747 г. — «*Красноречие есть искусство* о всякой данной материи красно говорить и тем других преклонять к своему об оной мнению» [Ломоносов 1952: 23, 91].

Факт ясного отделения *риторики* от *красноречия* доказыва-ется в повторном именовании 1-й книги: «Краткого руковод-ства к *красноречию* книга 1, содержащая *риторику*. § 1. Имя сея *науки* происходит...». Таким образом, *риторика* — это «наука», «учение», «правила», *красноречие* — «искусство», способность, умение «говорить и писать», но также и состав текстов словес-ности, если употребить взятый впоследствии термин. Говоря о «правилах обоего красноречия: *оратории* и *поэзии*», Ломоносов понимает под красноречием также совокупность текстов или словесных произведений — аналог будущей словесности. Это значение термина «красноречие» сохраняется и поныне, когда говорят о разных видах красноречия: судебном, политическом, духовном, академическом и т.д.

Какие же науки входили у М.В. Ломоносова в «словесные»? Им, как известно, описаны две «науки»: «Российская грам-матика» и риторика в «Кратком руководстве к красноречию». Входила ли логика по мысли М.В. Ломоносова в словесные на-уки — вопрос спорный. Терминология логики частично входит в риторику, например, приступая к «правилам о изобретении доводов», он считает должным «истолковать части и сложение оных из логики» [Там же: 154]. Отсутствие в наследии Ломо-носова логики (при частом обращении к ней в риторике) не позволяет сомневаться относительно вхождения логики в сло-весные науки. На протяжении последующей истории риторики весь вопрос будет в том, в каких частях и размерах «логические основания мышления и речи» проникают в риторику.

Более точного выяснения требует вопрос о месте «поэ-зии» (еще не поэтики!) или «стихотворства» в ломоносовской классификации. Предлагая проект Московского университе-та, М.В. Ломоносов записывает должности двух профессоров: оратории и поэзии. Граф И.И. Шувалов оставляет должность одного — профессора красноречия (элоквенции). Именно эту должность и будут отправлять в дальнейшем Н.Н. Поповский и А.А. Барсов, а сама кафедра будет называться кафедрой крас-норечия.

Уточним терминологию ломоносовских «словесных наук». Термин «красноречие» имел отношение к 3 запланированным

книгам и соответственно «наукам»: *Риторике* («учению о красноречии вообще»), *Оратории* (учению о прозе) и *Поэзии* (учению о стихотворстве). *Красноречие* в самом общем смысле, если такое сопоставление корректно, составит в будущем науку и искусство *словесности* (и вот почему «труды в словесных науках», как верно замечено в Приложении к тому VII полного собрания сочинений, включают также литературную практику [Ломоносов 1952: 890]; *Риторика* — «учение о красноречии вообще» — будет соответствовать общей риторике (которая рассматривает «правила» и для прозы, и для поэзии, ср. ломоносовские стихотворные примеры в руководстве); *Оратория* составит в будущем раздел частной риторики как учения о разных видах прозы; *Поэзия* будет соответствовать поэтике.

М.В. Ломоносов осуществил лишь первую часть своего замысла — он создал Риторику, но Оратория и Поэзия остались ненаписанными. Очевидно, что замысел написать Ораторию как учение о прозе осуществил Амвросий Серебренников, член Российской Академии, который опубликовал «Краткое руководство к Оратории Российской» в 1778 г. В нем автор прямо ссылается на Ломоносова как на своего предшественника, и это, кстати, был первый учебник на русском языке, написанный после М.В. Ломоносова.

М.В. Ломоносов называет и виды словесности, которые в обогащенном составе войдут в частные риторики и поэтики XIX в.: «...первым образом (т.е. “прозою”. — В.А.) сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим (т.е. “поэмою”. — В.А.) составляются гимны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи» [Ломоносов 1952: 96–97].

Рассмотрим последовательно словесные науки, о которых говорится в Словаре Академии Российской. При этом будем иметь в виду, что каждая эпоха создает свой состав смыслов. Так, положительные оценки А. Красовского, адресуемые просветительской деятельности императрицы Екатерины, создаются в филологической терминологии первой половины XIX в., но никак не ломоносовско-екатерининского времени. Например, он пишет о «ее любви к нашей Словесности», о том, что «ее пример одушевлял к трудам любителей Отечественного слова»,

что «к пользе Отечественной словесности... возвышено Церковное красноречие языком Платона, Леванды, Георгия (Кониского), Анастасия (Братановского) и других витий» [Красовский 1848: 16]. Далее А. Красовский перечисляет виды отечественного слова, заканчивая «изящной словесностью» [Там же: 17]. Термин «словесность» является основным в филологической науке 40-х годов XIX в., однако он полностью отсутствует в текстах, которые создают и Е.Р. Дашкова и ее коллеги, приступая к написанию Словаря Академии Российской. Иначе говоря, как раз слова *словесность* ни Екатерина Великая, ни княгиня Е.Р. Дашкова не употребляли.

Впрочем, само слово «словесность» несомненно уже было известно в XVIII в. Словарь русского языка XI–XVII вв. отмечает это слово уже в XVI в.: «Словесность — *εὐλογία*. Влх. Словарь. С. 372. XVI в.». В XVIII в. это слово встречается в переписке с Берлинской королевской академией наук и словесности (1786) и Прусской академией наук и словесности (1792) [Летописи 2002: 725, 791].

В Словаре Академии Российской *словесность* находит толкование в гнезде «слово»: — «1) Знание, касающееся до словесных наук. *Силен в словесности*; 2) Способность говорить, выражать» [САР: V, 536]. Обратим внимание на то, что это еще не «наука», а только «знание» или «способность». Но смеем предположить, что именно эта подсказка Словаря создала предпосылки для рождения и утверждения «словесности» как термина русской науки. Появление этого слова в Академическом Словаре имело важнейшее значение для его последующего осмысления и употребления множеством авторов первой половины XIX в.

Создателем и утвердителем «словесности» в педагогике стал скорее всего А.С. Никольский, первые сочинения которого относятся к 1790 году (анонимное издание «Логики и риторики»), а «Основания российской словесности» выдержали 7 изданий в течение 1807–1830 гг. Концепция А.С. Никольского приобрела влияние благодаря предельной простоте его схемы: «Словесность (дар слова) есть способность выражать мысли словами» [Никольский 1807: 1, 8]. Харак-

терно, что сама словесность здесь еще не наука, а только «способность».

Показывая правила, по которым употребляют эту способность, *словесность* образует две науки: *грамматику*, обучающую «правильному употреблению слов», и *риторику*, показывающую «способ, как располагать и изъяснять мысли». Характерно, что А.С. Никольский не употребляет термина «красноречие», но риторика определяется как «*искусство* располагать и приятно изъяснять свои мысли» [Никольский 1807: II, 1]. Таким образом, ломоносовское разведение риторики и красноречия у А.С. Никольского оказалось нивелированным. «Грамматика, риторика и поэзия» помещаются автором «совокупно, дабы все относящееся к словесности, преподаваемо было по одинаковой системе» [Никольский 1807: 9–10]. Эта совокупность «словесных наук», повторяющая «Словарь Академии Российской», тем не менее начинает существенно расходиться с ломоносовской.

Итак, лишь во времена писавшего свой исторический очерк А. Красовского «словесность» станет основным термином, обобщающим все филологические науки (примерно так же, как «элоквенция» у В.К. Тредиаковского). Симптоматична характеристика Академии, которая «своим бытием и первым цветущим возрастом» обязана тому попечению, которое оказывала Екатерина к «*языку и словесности его*». Сочетание «словесность языка» не могло появиться во времена создания Академического словаря, но оно вполне реально во времена создания исторического очерка А. Красовского.

В 40-е годы XIX в. термин *словесность* действительно станет основным в русской филологической науке. Так, в «Чтениях о словесности» 1837–1843 гг. профессора Московского университета И.И. Давыдова к «науке» относится *объективная словесность*, которая включает 3 больших раздела: 1) теория языка; 2) теория изящной речи; 3) теория слога. К области *объективной словесности* принадлежат *грамматика* и *риторика*, рассматриваемые применительно к конкретному языку или народу. К «творчеству человеческого духа» относится *субъективная словесность* — ее воплощением являются тексты словесности (это уже не «наука»!): *поэзия* и *красноречие*. Разделение крас-

норечия и *поэзии* базируется на выражении в словесных произведениях «мира действительного, ограниченного» и «мира идеального». Родами *красноречия* являются история, философия, ораторская речь, родами *поэзии* — эпос, лирика, драма [Давыдов 1837: 15, 19].

Такова перспектива развития словесных наук в России, которым в 50-е годы XIX в. грозили в некотором смысле распад и крушение. Ученым, поставившим под сомнение ценность прежних «словесных наук» и деклариовавшим в России рождение нового понимания предмета (теперь уже под названием «науки о Слове»), стал профессор Ришельевского лицея К.П. Зеленецкий. Начав свое основное теоретическое сочинение с похвалы теоретикам риторики древности и с критики ее достижений со стороны нынешних «самостоятельных обработывателей», К.П. Зеленецкий совершенно определенно заявил о начале нового века в науке: «Только в последнее время, когда здание **словесных наук** распадается само собой, когда его заменяет **Наука о слове** (выделено мной. — В.А.), зная которой на развалинах теории словесности первый у нас водрузил профессор Давыдов, когда труды свои посвящают этому предмету мужи, каковы В. Гумбольдт и Бопп, реторика как часть науки о слове может надеяться получить полное право гражданства в сфере наук точных, положительных; может сбросить свою схоластическую одежду и принять вид более естественный, более согласный с духом и с направлением нашего времени» [Зеленецкий 1846: 9]. Характерна попытка объединить «Науку о слове» с трудами основателей языкознания, которым, конечно, не были чужды «логосические» идеи божественного происхождения слова (языка). Рассуждения же самого К.П. Зеленецкого о «точности и положительности» нового понимания науки слишком напоминают декларируемые и не всегда оправдывающие себя заявления позднейших «самостоятельных обработывателей» и реформаторов науки.

Показав историческую перспективу развития словесных наук от их создания до распада, имеет смысл вернуться к ясной и основополагающей терминологии Академического Слова-

ря, как и содержательной стилистике его создателей, т.е. к тем идеям и стилю, с помощью которых ими описываются язык и отечественное слово.

«Сочинение грамматики и словаря — да будет первым нашим упражнением» — так сказано в программной речи Е.Р. Дашковой 1783 года. Грамматика определяется в Словаре как «наука, подающая правила говорить и писать правильно» [Словарь Академии Российской 2004: II, 316]. Характерен пример: *Грамматика есть основание словесных наук*. В 1786 году Академии были представлены сочинения Иоанна Сидоровского — две части создаваемой им Российской грамматики, а именно: о производстве и сочинении слов, а также Правила Российского правописания Василия Григорьева. По просьбе Е.Р. Дашковой свою Грамматику послал в Академию А.А. Барсов — и Российская академия воспользовалась ею для подготовки своего издания. Написанная П.И. и Д.М. Соколовыми «Грамматика Российская, сочиненная Императорскою Российскою Академиею» вышла первым изданием в 1802 году и многократно переиздавалась (2-е изд., вновь исправленное и дополненное, СПб., 1809; 3-е изд., СПб., 1819; 4-е изд., СПб., 1827) [Барсов 1981: 5].

Характерно, что следующая словесная наука чаще называется *ветийством*, нежели *риторикой*, хотя в самом Словаре имеются толкования не только этим словам, но и *красноречию*, и *оратории*. Академия отказалась от специальной научной терминологии в своем Словаре, т.е. решила «не вмещать в Словарь Российской Академии... слова и речения Наук и Художеств, единственно ученым и художникам известные». Но это не значило, что в Словарь не вошла вся терминология: «Однако же из сего правила изъемяются естественные в России произведения, кои имеют особливые названия прямо Российские, или по свойству языка нашего вновь составленные и ясно вещь изображающие» [Красовский 1848: 28]. В Предисловии к Словарю такие слова определены как «большую частью суть народные». Если проанализируем интересующие нас слова, то увидим, что *красноречие*, *ветийство* — как раз «особливые слова прямо российские», а

грамматика, риторика, элоквиция — хотя и заимствованные — «по свойству языка нашего вновь составленные и ясно вещь изображающие».

Создатели Словаря склоняются к словам «славянорусским» вследствие их общих патриотических тенденций к употреблению славянских слов там, где возможно ими заменить иностранные, западные. Рассматривая противоборство слов *ветийство / риторика*, уместно вспомнить и раннюю историю взаимоотношений этих слов, когда первым переводом греческого слова *ρητορικη* в XI в. было именно слово *ветийство*, а *рѣтор* переводился чаще как *вития*, а не *риторъ*. Очевидно, что составители Словаря сознательно выбирают славянское слово там, где это возможно.

Обратим внимание на то, как ясно разведены в своих значениях анализируемые слова: *риторика* названа наукой, *витийство* определено как искусство, *красноречие* — как способность. *Оратория*, являющаяся и у Ломоносова частью риторики, также названа наукой. *Элоквиция* в Словарь не вошла, видимо, как не «соответствующая свойствам нашего языка».

Стоит обратить внимание на уже увядающую к концу XVIII в. синонимику слова *красноречие*. В Академическом Словаре она еще представлена однозначными словами *доброречие, многоречие, сладкоречие, краснословие*; многочисленны и антонимы: *злоречие, празднословие, пустословие, сквернословие, срамословие, суесловие, тщесловие* и некоторые другие. В древнерусском языке их количество было значительно большим, если судить по данным наших словарей древнерусского языка (более 30 синонимов слов типа *добрословие* и *благоречие* и более 45 — антонимов типа *злословие, злоречие*). Основным качеством (это очевидно по количеству словоупотреблений) были слова с корнями *благ-* и *добр-* (типа *благоречие* и *добрословие*). Создание научной терминологии с середины XVIII столетия ликвидировало эту многоголосицу через выбор единственного термина *красноречие*. Именно М.В. Ломоносову мы обязаны утверждением слова *красноречие* с последующим, видимо, тяготением к изящной словесности, а не к этическим понятиям

блага и добра, которыми пронизаны древнерусские сентенции о слове, языке, речи.

Третья «словесная наука» — *стихотворство* — определена как: «1) наука изображать стихами мысли свои, описывать предметы чувствам нашим подлежащие, или отвлеченные; 2) сочинение, стихами писанное» [Словарь Академии Российской 2004: V, 143]. Стихотворство может быть «лирическое, драматическое, эпическое, издевательское». Характерно, что вновь найдено именно «славенорусское» слово. Термин «поэзия» имеется в словаре, но только со ссылкой на слово «стихотворство» [Там же: IV, 1023]. Производное «поэт» отсутствует вовсе.

Заявленная в Словаре концепция «словесных наук» имела огромное влияние на толкования у последующих авторов, в частности создателей риторик, теорий красноречия и поэзии в первой половине XIX века. Читая определения «словесным наукам», данные Я.В. Толмачевым, Н.Ф. Кошанским, А.И. Галичем, становится ясно, что уж они-то «заглядывали встарь в академический словарь». При этом очевидно, что эти классики русской филологии, воспитавшие не одно поколение русских ученых и писателей, не слепо копировали академические определения, а с тщательностью уточняли и творчески развивали мысли своих предшественников.

Так, Я.В. Толмачев разделяет понятия *словесность*, *красноречие* и *витийство*: *словесность* — «природная, обыкновенная способность изъяснять свои мысли и чувствования голосом», не имеет «отличительных качеств»; *красноречие* — «способность, показывающая отличное искусство выражать оное ясно и красиво»; *витийство* — «способность... выражать сильно и убедительно». Именно эти свойства были намечены Академическим Словарем. Способность получается человеком от природы, а «искусство... приобретает наукою: сию науку называют *риторикою*. Итак, риторика есть та наука, которая содержит правила, руководствующие к красноречию и витийству». Я.В. Толмачев дает самое краткое определение риторики — это «наука красноречия», а «предметом риторики можно почесть систему правил, касающихся до красноречия» [Толмачев 1825: 1–3].

Подобно В.К. Тредиаковскому, преувеличенно утверждавшему приоритет «элоквенции» над всеми науками, Я.В. Толмачев проводит мысль о пользе «всех наук, обогащающих ум познаниями, особливо наук умозрительных» — для лиц, «занимающихся словесностью». Для этих лиц существенно необходима «*наука слова*» — и Я.В. Толмачев предлагает не путать ее со «*словесностью*». Предметами «науки слова» являются «мысли, слова и соглашение одних с другими: правильному действию мыслей учит *логика*; правильному употреблению слов *грамматика*; правильному соглашению мыслей со словами, показывающему известную степень искусства в употреблении речи, научает *риторика*». Логика и грамматика считаются «предварительными науками» в отношении к риторике. При этом «необходимую основу для занимающихся словесностию» (уже, видимо, в значении науки или искусства. — В.А.) являются как *всеобщая, философская грамматика* («наблюдения над языком всего рода человеческого»), так и *частная грамматика* (изучение языка «какого-либо народа») [Толмачев 1825: 2—5].

Совершенно очевидно, что царскосельский учитель А.С. Пушкина Николай Федорович Кошанский самостоятельно развил теорию «словесных наук», имеющую множество совпадений со Словарем Академии Российской. Схема словесных наук у Н.Ф. Кошанского расширяется до разбора всех наук, имеющих отношение к человеку, обладающему по воле Творца «силой ума и даром слова». Схематически совокупность словесных наук в интерпретации Н.Ф. Кошанского представлена в табл. 2.

Словесность, названная «способностью выражать мысли и чувствования», подразделяется на *прозу* (ее изучает частная риторика) и *поэзию* (изучается пиитикой). При этом каждая из словесных наук имеет свою теорию и практику. «Риторика вообще» (общая риторика) определена как «наука изобретать, располагать и выражать мысли», а частная риторика как «руководство к познанию всех прозаических сочинений» [Кошанский 1829: 2].

Словесные науки (по Н.Ф. Кошанскому)

Человек					
Сила ума		Дар слова = язык			
Логика		Словесные науки			
Предмет логики	1. Понятия	Теория	1. Грамматика: слова	Предмет словесности	Граничат с эстетикой
	2. Суждения		2. Риторика: мысли		
	3. Умозаключения		3. Поэзия: чувствования		
		Практика	Красноречие (ораторство)		
			Роды поэзии		

Н.Ф. Кошанский возвратил в риторику учение об изобретении, назвав предметом риторики «мысли», точнее, способность их «изобретать, располагать и выражать». При этом нет никакого противоречия в споре предметов логики и риторики: логика предстает как наука об умственных операциях безотносительно к слову, риторика — как наука о выражении мысли через слово.

Одним из первых Н.Ф. Кошанский пытается разделить значения терминов словесность и литература. В начальном определении они даны как синонимы: «...словесность или литература вообще — наука, объемлющая полное знание одного или многих языков и все письменные произведения и писателей». Однако литература — понятие более узкое, относящееся к области письменно-печатной словесности, поэтому существуют понятия *истории литературы* как «истории писателей» и «литературы какой-либо науки или искусства — собрания сочинений или писателей по той части». Толкование основных терминов базируется на филологической культурной традиции, рассматривающей развитие общества в связи с развитием языка или

форм словесности. Поэтому «народы дикие имеют *язык*, но не имеют *литературы*; а просвещенные по успехам литературы заключают о степени образования народа» [Кошанский 1829: 4].

Термин *красноречие* прокомментирован у Н.Ф. Кошанского в примечаниях. Если каждая из словесных наук (грамматика, риторика, поэзия) имеет, «как наука, свою теорию, и как искусство, свою практику», то очевидно, что практика риторики ближе всего к традиционному значению слова *красноречие*. В «Частной реторике», пользуясь при описании конкретных родов речей терминами «гражданское красноречие», «политическое красноречие», «духовное красноречие», Н.Ф. Кошанский предпочел названию «вида словесности» термин «ораторство». Не исключено, что это произошло вследствие влияния латыни на терминологию автора (ведь все термины у него имеют в скобках латинское слово как источник своего происхождения, а латинский язык не предлагал соответствующих слов для русских терминов *красноречие* и *витийство*).

Сделанный экскурс в историю русских словесных наук показывает современному филологу не только своеобразие и необычность научного знания, предшествовавшего периоду «нового» языкознания в России. Поскольку в эпоху постиндустриального общества появляются не только новые идеи, но и новые науки, необходимо ясное понимание наших историко-культурных предшественников.

Вопросы для обсуждения

1. Когда появился термин *словесность*? Как происходило постепенное наращивание смыслов и значений данного термина?
2. Каково содержание термина *словесность* сегодня? Каковы задачи современной теории словесности как науки?
3. Какие роды и виды речи входят в рассмотрение современной теории словесности?

4. Назовите первое сочинение в России, обобщающее состав гуманитарных наук. Какие «свободные науки» создавали тривиум филологических дисциплин?
5. Какие синонимы существовали для слова «наука» в XVII столетии? Как преобразовались эти слова в дальнейшем?
6. Когда начинается развитие *словесных наук* в России? Кто был инициатором введения этого термина?
7. Какой состав словесных наук был предложен М.В. Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию»? Как М.В. Ломоносов различал термины *риторика* и *красноречие*?
8. Каким был состав *словесных наук*, описанный в Словаре Академии Российской 1789—1794 годов? Почему можно говорить об известной «русскости» в именовании этих наук?
9. Когда начинается развитие русской теории словесности и кто был автором первых ее учебников?
10. Как Я.В. Толмачев определяет разницу между словами *риторика* — *витийство* — *красноречие*?
11. Как строится система словесности в период ее расцвета профессором Московского университета И.И. Давыдовым?
12. Какова система словесных наук профессора Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанского?

Библиография

1. Аверинцев С.С. Филология // Слово-Логос. Словарь: собр. соч. — Киев, 2006. — С. 452—462.
2. Алексеев В.М. Китайская литература // Китайская литература: избранные труды. — М., 1978.
3. Амвросий (Серебрянников). Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. — М., 1778; — 2-е изд. — М., 1791.
4. Аннушкин В.И. Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. — М., 1999.
5. Аннушкин В.И. История русской риторики: хрестоматия. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2002.
6. Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. — М., 2003.
7. Аннушкин В.И. Словесные науки в Словаре Академии Российской // Словарь Академии Российской 1789—1794: в 6 т. / гл. ред. Г.А. Богатова. — М., 2004. — Т. IV. — С. 14—26.
8. Аннушкин В.И. Первая русская «Риторика» XVII века. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2006.
9. Аннушкин В.И. Риторика: вводный курс. — 3-е изд. — М., 2007.
10. Аннушкин В.И. Риторика: экспресс-курс. — 2-е изд. — М., 2007(а).
11. Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. — М., 1978. — С. 15—166.
12. Барсов А.А. Российская Грамматика Антона Алексеевича Барсова / подгот. текста и текстологический коммент. М.П. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. — М., 1981.
13. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. — М., 1978.
14. Виноградов В.В. О художественной прозе // Избранные работы по русскому языку: О языке художественной прозы. — М., 1980. — С. 56—175.
15. Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. — М., 2000.
16. Волков А.А. Основы русской риторики. — М., 1996.
17. Волков А.А. Юрий Владимирович Рождественский (10 декабря 1926 — 24 октября 1999) // К 80-летию Ю.В. Рождественского. — М., 2006. — С. 7—16.

18. Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке // Труды Общества по изучению русской словесности. — 1856. — Т. XVII.
19. Галич А.И. Теория красноречия. — СПб., 1830.
20. Граудина Л.К. Русская риторика: хрестоматия. — М., 1996.
21. Греч Н.И. Учебная книга российской словесности, или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской словесности. — СПб., 1819—1822.
22. Давыдов И.И. Чтения о словесности. — М., 1837—1843. — Курсы 1—4.
23. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1981—1982.
24. Жигулёв А.М. Русские народные пословицы и поговорки. — М., 1965.
25. Зеленецкий К.П. Исследование о риторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике. — Одесса, 1846.
26. Зеленецкий К.П. Курс русской словесности для учащихся. — Одесса, 1849. — I. Общая риторика.
27. Зеленецкий К.П. Введение в общую филологию. — СПб., 1853.
28. Конрад Н.И. Понятие «литература» в Китае // Избранные труды. Синология. — М., 1977.
29. Кошанский Н.Ф. Общая риторика. — СПб., 1829.
30. Кошанский Н.Ф. Частная риторика. — СПб., 1832.
31. Красовский А. Опыт истории императорской российской Академии от основания оной в 1783 году по 1840 год // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1848.
32. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. — М., 2003.
33. Летописи Академии наук. — М., 2002. — Т. I.
34. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред В.Н. Ярцева. — М., 1990.
35. Лихачев Д.С. Об искусстве слова и филологии // О филологии. — М., 1989. — С. 204—207.
36. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. — М., Л., 1952. — С. 89—378, 805—839. — Т. VII.
37. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Полн. собр. соч. — М.; Л., 1952. — Т. VII. — С. 389—578.

38. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М., 2003.
39. Смотрицкий Мелетій. Грамматика / підгот. факсимільного видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. — Київ, 1979.
40. Мерзляков А.Ф. Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. — 1-е изд. — М., 1809; 4-е изд. — М., 1828.
41. Морохин В.Н. Малые жанры русского фольклора. Хрестоматия: учеб. пособие для филол. спец. вузов. — М., 1986.
42. Никольский А.С. Основания российской словесности. — СПб., 1807. — Ч. 1. Грамматика; Ч. 2. Риторика.
43. Нойка Рафаил (Нойка). Культура духа / пер. с румынского выполнен иереем Виталием Шинкарем. — М., 2006.
44. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. — 18-е изд., стереотип. — М., 2005.
45. Пласин В.Т. Учебный курс словесности. — СПб., 1843.
46. Реформатский А.А. Введение в языкознание. — М., 1996.
47. Рижский И.С. Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в Санкт-Петербургском горном училище. — СПб., 1796.
48. Рождественский Ю.В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). — М., 1978.
49. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. — М., 1990.
50. Рождественский Ю.В. Общая филология. — М., 1996.
51. Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. — 2-е изд., испр. — М., 1999.
52. Рождественский Ю.В. Теория риторики. — 4-е изд. — М., 2004.
53. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1997.
54. Словарь Академии Российской 1789—1794: в 6 т. Репринтное издание / гл. ред. Г.А. Богатова. — М., 2004.
55. Спафарий Николай. Эстетические трактаты / подгот. текстов и вступ. ст. О.А. Белобровой. — Л., 1978.
56. Сперанский М.М. Правила высшего красноречия. — СПб., 1844.
57. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Репринтное издание. — М., 1989.

58. Степанов Ю.С. Филология // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1997. — С. 592—596.

59. Теория словесности. Курс гимназический (издание анонимное) / сост.-ред. И.И. Давыдов. — СПб., 1851—1860. Издания 1—5 стереотипные:

Год 1-й. Риторика / авт. К.П. Зеленецкий, Н.Ф. Кошанский. — 2-е изд., 1851; 5-е изд., 1860;

Год 2-й. Теория прозы / авт. К.П. Зеленецкий. — 2-е изд., 1852;

Год 3-й. Пиитика / авт. К.П. Зеленецкий. — 4-е изд., 1860;

Год 4-й. История русской словесности / авт. К.П. Зеленецкий. — 2-е изд., 1852; 4-е изд., 1858.

60. Толмачев Я.В. Правила словесности. — СПб., 1815.

61. Толмачев Я.В. Военное красноречие. — СПб., 1825.

62. Хрестоматия по древней русской литературе / сост. Н.К. Гудзий. — М., 1973.

63. Цветник духовный. Назидательные мысли и добрые советы. — М., 1992.

64. Якоб Л.Г. Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Генрихом Якобом, изданный от Главного правления училищ. — СПб., 1813. — Часть 6-я, содержащая умозрение словесных наук.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ФИЛОЛОГИЯ

Филология — учение о правилах и закономерностях создания, передачи, хранения, воспроизведения и функционирования словесных произведений. Термин «филология» в переводе с греческого *φιλολογία* означает «любословие (любословие)» — очевидно, что «слово» (греч. «логос») понимается в данном случае не как лексикологическое понятие, но шире — как словесное произведение, речь, текст. Предмет филологии — текст, слово в широком значении, соединенное с выражаемым им культурным содержанием.

О трудностях в определении филологии как науки справедливо писал Д.С. Лихачев, предпочитая говорить о ее «связующей роли»: «Роль филологии именно связующая, а потому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения — наиболее сложной области литературоведения» [Лихачев 1989]. В современных определениях филологии как «совокупности научных дисциплин (языкознание (гл. обр. стилистика), литературоведение, история, семиотика, культурология и т.д.)» [Степанов 1997: 592] или «совокупности наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве» [С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова 2005: 852], теряется идея о наличии у филологии собственного предмета.

В фундаментальной статье С.С. Аверинцева филология определяется как «содружество гуманитарных дисциплин, изучающих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» [Аверинцев 2006: 452]. Однако и здесь 1) вновь не дается опреде-

ление филологии как самостоятельной науки; 2) филология соотносится только с письменными текстами, в то время как она, по-видимому, имеет отношение ко всем видам словесных произведений, бывших в истории человечества (и к устной, и к письменной, и к печатной, и к текстам СМИ и Интернета); 3) филология имеет отношение не только к духовной, но и к материальной культуре, поскольку словесное творчество связано с технологией создания речи, которая также есть культурное совершенствование — ср. новые электронные средства речевой коммуникации, которые также должны рассматриваться как объект филологического исследования.

Не дает ответа на вопрос о предмете филологии и «кропотливое историческое исследование» Г.О. Винокура «Введение в изучение филологических наук» — курс, прочитанный им в 1943—1944 и 1945—1946 учебных годах в МГУ им. М.В. Ломоносова и МПГУ им. В.П. Потемкина [Винокур 2000]. При всей широте привлеченного материала это исследование рассматривает фигуру филолога более как «человека читающего» и менее как творца культуры, осуществляющего создание, воспроизведение, хранение и передачу последующим поколениям лучших произведений словесности.

Поэтому **филология — наука о культурном прогрессе человечества, выраженном в способах, принципах и правилах создания текстов (речи, словесных произведений)**. Филологическое знание показывает, как технологическое развитие фактуры речи влияет на смысл речи, позволяя развиваться всем формам общественной культуры, различным видам семиозиса. Как наука о словесности (см. *словесность*) филология изучает общественно-языковую практику, обращение текстов в их организации и развитии. Обращение текстов включает в себя их создание, передачу, прием и хранение. Развитие общественно-языковой практики определяется в основном развитием фактуры текста, т.е. его материального носителя: звука, письма, печати, технических и электронных средств информации [Рождественский 1996]. Сложность современной общественно-речевой ситуации состоит в том, что человечество впервые столкнулось с такими сложными формами словесности, как массовая

информация, появление которой рождает новый облик человека, кардинально меняет стиль жизни, формируемый стилем речи. Оптимальное развитие человеческого общества возможно только в том случае, если оно будет опираться на словесную культуру как совокупность нравственных и интеллектуальных достижений человечества.

Ю.В. Рождественский убедительно показал в «Общей филологии», что «филологическое знание состоит в проникновении не только в содержание того или иного текста, но и в его истолкование». Ступени в истолковании текста позволяют последовательно выстроить понимание предметов частной и общей филологий: в частной филологии анализируется конкретный текст (его возникновение, авторство, вхождение в данную область культуры), в общей филологии — «общие исторические закономерности понимания и истолкования текстов на фоне развития культуры, прогресса в знаниях и речевом общении, технического прогресса в создании текстов» [Рождественский 1996: 19]. Таким образом, общая филология изучает принципы организации словесности, определяемые социальными условиями коммуникации и фактурой (материальным воплощением) текста. Частные филологии могут выделяться на основе этнотерриториального принципа: классическая филология, изучающая античную словесность, восточная филология (ориенталистика, востоковедение), славянская филология (славистика, славяноведение), балканская филология (балканистика), арабская филология (арабистика) и т.п. Задача частной филологии — конкретно-историческое изучение словесности данной этносоциальной или территориальной общности людей в связи с ее историей и менталитетом.

Филология — наука о классификации всех словесных произведений национально-речевой культуры. Предмет филологии — тексты всех существующих родов и видов словесности. Было бы недостаточно ограничивать ее задачи только сферой изучения стиля преимущественно художественного текста. Поскольку «в произведениях слова выражается весь состав культуры общества, **теоретическая задача филологии — построение научной картины культуры, взятой сквозь призму слова**».

Если речь является «инструментом общественной организации», то филологическое знание становится «основой компетентного управления обществом» [Волков 2006: 7].

Необходимо изучение истории русской филологии, филологических словесных наук в России, которая в настоящее время подменена историей русского языкознания с наложением схемы и содержания современного языкознания на реальную историю и содержание тех наук, которые изучались в университетах, гимназиях, лицеях XVIII—XIX столетий. Предмет филологии должен быть ясно отличен от лингвистики, литературоведения и др. Состав терминов филологии (*словесность*, ее роды, виды и жанры, *фактура речи*, *орудие*, *материал речи*, *правила речи* и т.д.) существенно отличается от состава терминов лингвистики и литературоведения. Современная филология обращена к насущным проблемам общественно-речевой практики нового информационного общества. Цель филологии — формирование общественной культуры, находящей выражение в слове; описание всех видов современной словесности с выявлением целей, задач, содержания, форм общения, выражения этих форм в различных жанрах речи, стилистического своеобразия текстов.

Современная филология как деятельность распадается на два основных вида: исследовательская и учебная филология, с одной стороны, и практическая — с другой. В обществе наиболее известна филология как учебная и научная деятельность, связанная с профессиями преподавателя языка и литературы и научного сотрудника. Однако существует большое количество практических филологических специальностей, или так называемых «речевых профессий»: переводчик, редактор, корректор, журналист, специалист по связям с общественностью (*public relations*), референт, секретарь, пресс-секретарь, библиотекарь, работник архива. Серьезной филологической подготовки требуют все профессии, которые предполагают интенсивное общение с людьми: социальный работник, психолог, менеджер, рекламный агент, политический деятель. Таким образом, современная филология представляет собой не только область зна-

ния, но и практическую деятельность, имеющую несомненную общественную значимость.

Литература: Аверинцев С.С. Филология // Слово-Логос. Словарь: собрание сочинений. — Киев, 2006. — С. 452—462; Аннушкин В.И. Филология — словесность — языкознание в классической русской традиции и современном научно-педагогическом процессе // К 80-летию Ю.В. Рождественского / под ред. А.А. Волкова, А.Ю. Овчинникова, О.Э. Хазановой. — М., 2006. — С. 53—79; Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. — М., 2000; Волков А.А. Юрий Владимирович Рождественский (10 декабря 1926 — 24 октября 1999) // К 80-летию Ю.В. Рождественского. — М., 2006. — С. 7—16; Лихачев Д.С. Об искусстве слова и филологии // О филологии. — М., 1989. — С. 204—207; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. — 4-е изд., испр. и доп. — М., 2005; Рождественский Ю.В. Общая филология. — М., 1996; Степанов Ю.С. Филология // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1997. — С. 592—596.

СЛОВЕСНОСТЬ

Словесность — 1) Совокупность словесных произведений (текстов) речевой культуры. 2) Дар слова, способность человека выражать мысли и чувства в слове. 3) Наука о Слове, или совокупность «словесных наук», аналог филологии. 4) Искусство слова, словесное творчество.

Впервые научно обоснованное употребление термина **словесность** обнаруживается в Словаре Академии Российской 1789—1793 гг., где оно означает «знание, касающееся до словесных наук» и «способность говорить, выражать» (Т. V, с. 536). В дальнейшем авторы первой половины XIX в. осмысливают **словесность** не только как «способность выражать мысли словами» (А.С. Никольский), но прежде всего как совокупность «словесных наук». Термин был столь удачно найден, что очень скоро стал обобщающим термином для всех существовавших теорий и самого словесного творчества.

Научное формирование предмета словесности связано с реорганизацией филологического знания в России начала

XIX столетия, когда русская словесность приобрела черты последовательной теории в учебниках словесности и риторики Я.В. Толмачева, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, В.В. Плаксына, К.П. Зеленецкого и мн. др. Словесность понимается не только как «природная способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом» (Я.В. Толмачев, 1815) или как «дар слова, которым Творец наградил свое любимое создание — человека» (Н.Ф. Кошанский, 1829) — но понимание словесности расширяется до совокупности всех текстов речевой культуры, поэтому в русских учебниках описываются все существующие роды, виды и жанры текстов словесности.

Во второй половине XIX в. после удаления риторики из системы преподавания словесность стала пониматься только как «изящная» словесность», т.е. в школе изучались по преимуществу произведения художественной литературы, а ее корифеи объявлялись классиками словесности. До Октябрьской революции словесность оставалась главным предметом изучения в школе, а с 20-х годов XX столетия она исключается из состава преподавания.

Современной публицистической или научно-популярной литературе свойственно, скорее, ненаучное употребление слова «словесность», когда под ним подразумеваются либо совокупность школьных курсов русского языка и литературы, либо писательство как художественное творчество.

В современной филологической литературе термин *словесность* только начинает восстанавливаться и получать четкое научное описание. Наиболее обстоятельно и обоснованно использует его Ю.В. Рождественский, не только возрождая его из исторического небытия, но и придавая ему научно-терминологический смысл: «Отдельное высказывание в филологии называется *произведением словесности* (выделено автором. — В.А.), а вся совокупность произведений словесности — словесностью. *Словесность*, или языковые тексты, — *предмет филологии*. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих культурное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой за-

дачи необходимо обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [Рождественский, 1990: 112].

Классификация произведений словесности современного информационного общества включает следующие ее роды и виды: 1) устная словесность: а) дописменная (диалог, молва, фольклор); б) литературная (ораторика, гомилетика, сценическая речь); 2) письменная словесность (при возможности писать чем угодно на чем угодно выделяется наиболее удобный вид — палеография, включающая: письма, документы, сочинения); 3) печатная словесность, или литература (научная, художественная, журнальная); 4) массовая коммуникация (массовая информация в виде радио, телевидения, прессы, кино; реклама и информатика).

В современной науке термин *словесность* предполагает следующие понимания:

1. В соответствии с этимологией термина, словесность — способность человека выражать мысли и чувства в слове. Поэтому словесность — природный дар человека, которым он отличен от других одушевленных созданий. Владение словом показывает в человеке божественное начало, отражая в нем образ Божий.

2. Словесность — это совокупность словесных произведений. Можно говорить о словесности какого-либо народа, например, русской словесности. Именно филологи-словесники ставят вопросы о классификации и отборе наиболее ценных и культурно значимых текстов.

3. Словесность осмысливается также как искусство создания словесных произведений, которое предполагает постижение законов словесного творчества, обучение правилам создания словесных произведений и применение их в творческой деятельности.

4. Классический термин *словесность* был для русских ученых первой половины XIX в. аналогом термина *филология*, поскольку само слово имело логосическую, мироустраивающую функцию. Поэтому словесность и определялась либо как совокупность «словесных наук», либо как «наука о Слове».

5. Современная словесность как наука занимается прежде всего изучением существующих словесных произведений. Задача современной теории словесности — классификация и изучение специфики родов, видов и жанров словесности, отбор и изучение образцов словесного творчества.

6. Курс *истории русской словесности* (не литературы!) необходимо восстановить и расширить, предусматривая изучение не только литературной беллетристики, но Священного Писания как главного культурообразующего текста, разных жанров письменности, образцов деловой, учебной и научной литературы, ораторской прозы, реконструкции бытовой речи и т.д.

Восстанавливаемый термин *словесность* не вступает в противоречие с традиционной филологической терминологией. При всей близости словесности к таким наукам о речи, как риторика и стилистика, она более относится к изучению текстов словесных произведений, их классификации и отбору, а *риторика* — к построению оптимальной, эффективной речи.

Литература: Альбеткова Р.И. Русская словесность: от слова к словесности: учебник для 7 класса общеобразоват. учреждений. — М., 2000; Аннушкин В.И., Костомаров В.Г. Русская словесность как наука и школьная дисциплина // Смирновский П.Г. История русской словесности. Теория словесности. — СПб., 1913 (Репринтное издание). — М., 2009. — С. IX—XX; Аннушкин В.И. Риторика: вводный курс. — 3-е изд., испр. — М., 2008; Он же. История русской риторики: хрестоматия. — 2-е изд. — М., 2002; Волков А.А. Курс русской риторики. — М., 2000; Граудина Л.К. Русская риторика. — М., 2001; Матвеева Т.В. Словесность // Учебный словарь: культура речи, стилистика, риторика. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 310—311; Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. — М., 1990; Он же. Общая филология. — М., 1996.

РИТОРИКА

Риторика — теория и искусство убедительной и эффективной речи, фундаментальная наука, изучающая объективные законы и правила речевого творчества. Поскольку речь — инструмент управления и организации социальных и

производственных процессов, риторика формирует норму и стиль общественно-культурной жизни.

Античная традиция рассматривала риторику как «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель), «искусство хорошо и украшено говорить» (Квинтилиан). В русской традиции риторика определяется как «учение о красноречии» (М.В. Ломоносов), «наука изобретать, располагать и выражать мысли» (Н.Ф. Кошанский), предметом которой является «речь», понимаемая как искусство говорить и писать (К.П. Зеленецкий).

Определения современной риторики включают следующие идеи:

1. Риторика — научная **теория речи**: в теории исследуются законы и правила построения всех видов речи современного информационного общества.

2. Риторика — **искусство мыслить и выражать философско-профессиональную позицию в слове**. Владение искусством речи предполагает определенные умения, техническую «выучку», практическую «ловкость» извлекать нужные мысли и выражать их в уместных словах в разных ситуациях общения.

Обучение искусству речи в риторике есть не только обучение говорению (например, в публичной речи), оно всегда предполагает одновременное обучение **мыслить** (и мыслить **нравственно**), формировать мировоззрение, получать знания и выражать свою жизненную позицию в слове. Отсюда особая серьезность риторики как реального мыслеречевого творчества, выражающего позицию каждого человека в жизни. В сущности, цель профессиональной деятельности конкретного ратора — защита своей философско-нравственной и профессиональной позиции, организация людей и общества с помощью речи. Основой риторики всегда были *философия, этика, образованность* — вне духовно-нравственной и интеллектуальной основы невозможно представить современные методики преподавания риторики или иных многочисленных речевых технологий. Без философско-этической базы обучение риторике и ее использование превращается либо в манипуляцию сознанием, либо в «праздноговорение».

3. Риторика — **теория и практика совершенной речи**: убедительной и эффективной, целесообразной и уместной, подлинно украшенной и т.д. В определениях риторики обычно ищут точные эпитеты для образцовых качеств речи, поэтому риторику называют наукой об убедительной, украшенной (в классических трудах), целесообразной, эффективной, действенной, гармонизирующей речи (в современных теориях риторики). Качества речи исследуются также в учении о стиле, где в русской традиции обычно называются ясность, правильность, точность, чистота, логичность, образность, краткость, и некоторые другие. Ни одно из указанных качеств не исчерпывает представлений о речевом идеале, но их совокупность позволяет назвать риторику учением о *совершенной* речи. Совершенство речи связано с имеющимися в общественном и личном сознании речевыми идеалами, образцами речи, культурно-стилевыми предпочтениями.

4. Риторика — **учение о воспитании личности через слово**. О личности человека как индивидуальном воплощении его телесно-духовного единства можно говорить только тогда, когда сформируется его нравственное и интеллектуальное мировоззрение, которое находит воплощение в характере речи. Поскольку в речи выражен весь человек, риторика способствует формированию личности человека, его жизненной позиции и способности защищать эту позицию словом. Примеры политико-речевой деятельности не только многих классических ораторов прошлого, но и наших современников свидетельствуют, что развитие личности ратора осуществляется постепенно с накоплением риторического опыта, проявляющегося в утверждении философско-профессиональной платформы, формировании навыков и умений. Для риторического воспитания безразлично, какими речами, текстами (содержанием учебного предмета) и методами (риторическая педагогика) будет осуществляться преподавание риторики.

Литература: Аннушкин В.И. Риторика: вводный курс. — 3-е изд., испр. — М., 2008; Он же. Риторика: Экспресс-курс. — 2-е изд. — М., 2008; Он же. История русской риторики: хрестоматия. — 2-е изд. — М., 2002; Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. — М., 1978; Волков А.А. Основы русской риторики. — М., 1996; Он же. Курс русской ритори-

ки. — 2-е изд. — М., 2009; Граудина Л.К. Русская риторика: хрестоматия. — М., 1996; Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русская риторика. — М., 2001; Иванова С.Ф. Говори!.. Уроки развивающей риторики. — М., 1997; Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. — М., 1996; Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1995—1997. — №№ 1—4; Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. — М., 1999; Он же. Теория риторики. — 3-е изд. — М., 2004; Цицерон Марк Фабий. Три трактата об ораторском искусстве. — М., 1972.

КРАСНОРЕЧИЕ

Красноречие — 1) ораторский дар, талант, искусство слова, природная способность убедительно и красиво говорить и писать; 2) искусство создания словесных произведений определенной сферы общения (красноречие политическое, судебное, торжественное, академическое, церковное, военное, дипломатическое, социально-бытовое); 3) совокупность текстов вышеперечисленных сфер общения.

Русский термин *красноречие* образован по модели греческих слов типа *χρηστολογία*, *καλόλογία*, *ευλόγιστος*, *καλλιφωνία* (златоречие, краснословие, доброязычник, красогласование), в латинском языке ему соответствует *eloquentia*. В древнерусской традиции слова с корнем «крас-» более позднего происхождения, нежели с корнями «добр-» и «благ-» (добрословие, благоречие). Лишь в XVI—XVII вв. появляются «краснословие» (в первой русской «Риторике» 1620 г.) и «красноглаголение» (в Словаре Епифания Славинецкого). Впервые «красноречие» встречается в сочинениях его хулителя протопопа Аввакума: «...не словес красных Бог слушает... но любви с прочими добродетельми хочет, того ради и я не бегу о красноречии» («Житие протопопа Аввакума»); «Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым глаголом последующе, поживите» («Книга толкований»).

Инициатором ввода слова «красноречие» в русскую науку был М.В. Ломоносов, который в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) отредактировал свое более раннее опреде-

ление риторики, чем ясно различил риторику от красноречия: «**Риторика есть наука** о всякой предложенной материи красно говорить и писать...» (1743), а «**красноречие есть искусство** о всякой данной материи красно говорить и тем других преклонять к своему об оной мнению» (1747). Таким образом, риторика — это «наука», «учение», правила, а красноречие — «искусство», умение говорить и писать. Вместе с тем, поскольку Ломоносов пишет о «правилах обоего красноречия: оратории и поэзии», то под красноречием понимается также совокупность текстов словесных произведений.

Это понимание красноречия, восходящее к Цицерону, продолжается в риториках и теориях словесности конца XVIII — первой половины XIX в., ср. у М.М. Сперанского: «...Обучать красноречию не можно, ибо не можно обучать иметь блистательное воображение и сильный ум. Но можно обучать, как пользоваться сим божественным даром... И вот то, что собственно называется *риторикою*». Риторика есть «средство усилить красноречие», даруемое природой (здесь и далее цитаты русских классиков риторики приведены по книге В.И. Аннушкина «История русской риторики» [М., 2002]). У А.Ф. Мерзлякова «**риторика** заключает в себе полную **теорию** красноречия. **Красноречие...** есть **способность** выражать свои мысли и чувствования на письме или на словах правильно, ясно и соответственно с целию говорящего или пишущего. Древние под именем красноречия разумели единственно **искусство** оратора, а под именем риторики — **правила**, служащие к образованию оратора». Емко выражает сущность двух терминов Я.В. Толмачев: «...риторика есть та *наука*, которая содержит правила, руководствующие к красноречию и витийству», «наука красноречия».

Преподаватель Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанский называл красноречие и его разные области (гражданское красноречие, политическое красноречие, духовное красноречие) ораторством. Поскольку «ораторство, витийство (*ars oratoria*) есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других», то «оратор действует на разум красноречием ума, силою доказательств, убеждений, движет страсти — красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души».

Для русской риторики характерно различие **истинного** и **ложного красноречия**. Истинное красноречие состоит не в том, чтобы «блистать риторическими украшениями и выражать мысли необыкновенным образом, и чем темнее, тем, кажется, глубокомысленнее...». Оно, по мысли Н.Ф. Кошанского, имеет три признака: «силу чувств, убедительность и желание общего блага. Первые два могут быть и в красноречии мнимом, последнее существенно отличает истинное красноречие. Истинно красноречивым может назваться тот, кто соединил красноречие ума и сердца с красноречием добродетели».

Указанная выше семантическая разница между терминами *красноречие* и *риторика* как между природным дарованием и наукой теорией ясно ощущалась еще в начале XX в. Так, А.Ф. Кони писал: «Если под красноречием разуместь *дар слова*, волнующий и увлекающий слушателя красотою формы, яркостью образов и силою метких выражений, то для этого нужно иметь *особую способность*, частью *прирожденную*, частью же являющуюся результатом воспитательных *влияний среды, примеров, чтения и собственных переживаний*... Поэтому невозможно преподавать никаких советов, исполнение которых может сделать человека красноречивым. Иное дело уметь говорить публично, то есть быть оратором. Это умение достигается выполнением ряда требований, лишь при наличии которых можно его достигнуть». Значит, красноречие — *прирожденно*, а стать оратором можно через изучение науки и выполнение некоторых риторических советов.

После критики риторики в середине XIX в. и выведения ее из состава преподавания термин *красноречие* потерял свою определенность и в настоящее время употребляется в достаточно широком смысле, хотя и не выходит за рамки двух указанных выше значений. Чаще всего можно встретить обсуждение природы красноречия в книгах афоризмов, мудрых мыслей, крылатых выражений.

В современной научной литературе термин *красноречие* употребляется как термин для обозначения области ораторского искусства — ср. выделение Л.К. Граудиной до десяти родов и видов красноречия в русской риторике XIX в.: ду-

ховное (церковно-богословское), академическое, судебное, дискусивно-полемиическое, дипломатическое, парламентское, митинговое, торговое (коммерческое), военное, социально-бытовое. Данная классификация обычно повторяется в современных пособиях, в сущности являясь классификацией видов профессионального общения, см. хрестоматию «Русское красноречие» (сост. Н.А. Купина, Т.В. Матвеева), где собраны образцы публицистического, судебного, церковного и политического красноречия.

Тот факт, что термин *красноречие* продолжает оцениваться в основном как искусство речи, доказывается употреблением слова «красноречие» в классической научно-педагогической, философской и художественной литературе, причем более с оттенком научного популяризаторства, защиты искусства убедительного и яркого, выразительного и действенного слова. Ср.:

«Красноречие, вероятно, наиболее редкий, равно как и самый изящный из всех талантов» (Л. Вовенарг).

«Истинное красноречие — это умение сказать все, что следует, и только то, что следует» (Ф. Ларошфуко).

«Красноречие должно быть стремительно» (Н. Трюбле).

«Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий» (М.М. Сперанский).

Литература: Аннушкин В.И. Красноречие // Русская речь. — 2005. — № 4. — С. 105—107; Он же. История русской риторики: хрестоматия. — 2-е изд. — М., 2002; Он же. Русская риторика: исторический аспект. — М., 2003; Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. — М., 1978; Граудина Л.К. Русская риторика. — М., 2001; Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. — М., 1989; Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. — М., 1952. — Т. VII. — С. 19—79, 790—800; Русское красноречие: хрестоматия и система заданий для учащихся старших классов общеобразовательных школ // авт.-сост. Купина Н.А., Матвеева Т.В. — Екатеринбург, 1997; Цицерон Марк Фабий. Три трактата об ораторском искусстве. — М., 1972.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лекция 1. Предмет филологии как научной теории и педагогической дисциплины	3
§ 1. <i>Филология—словесность—языкознание</i> в классической традиции и современной науке	3
§ 2. Критический обзор научных концепций и взглядов на предмет филологии	7
§ 3. Определения филологии и объекты филологического творчества	17
Лекция 2. Слово-Логос и язык—речь в русской филологической традиции	23
§ 1. Логосическая теория происхождения мира и слова-языка	23
§ 2. <i>Язык—речь—слово</i> в фольклоре	28
§ 3. <i>Язык—речь—слово</i> в древнерусской словесности	34
§ 4. Российско-китайские аналогии в именовании Слова и основных словесных наук	43
Лекция 3. Эволюция терминов язык—речь—слово в русской филологической традиции XVIII—XIX веков	52
§ 1. Философское учение о <i>слове</i> и концепция <i>языка</i> в творчестве М.В. Ломоносова	52
§ 2. Термины <i>язык—речь—слово</i> в русской лексикологии и лексикографии XVIII—XIX веков	59
§ 3. Термины <i>язык—речь—слово</i> в трудах ученых-филологов первой половины XIX века	63
Лекция 4. Словесность и история словесных наук в России	86
§ 1. Словесность как дар, наука и искусство	86
§ 2. К истории словесных наук в России	91
Библиография	108
ПРИЛОЖЕНИЕ. Терминологические очерки	
Филология	112
Словесность	116
Риторика	119
Красноречие	122

Учебное издание

Аннушкин Владимир Иванович

ОСНОВЫ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Курс лекций